



НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№2
TOM 10

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 2 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т10. – 126 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1



Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 19.03.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 7,56 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ПРАВО

Пантелеева А. В.

История медиации как института отечественного процессуального права.....1165

Пантелеева А. В.

Сущность и специфика медиативного соглашения.....1170

Молдованов А. А.

Актуальные проблемы конституционного права в представлениях россиян (на примере жителей Волгоградской области).....1174

Молдованов А. А.

Конституция Российской Федерации как источник таможенного права.....1178

Чжао Юаньхэ

Причины, трудности и совершенствование международно-правовой охраны интеллектуальной собственности.....1185

Чжао Юаньхэ

Влияние на право международной торговли на фоне развития трансграничной электронной коммерции.....1191

Янь Юньфэн

Расширение и сжатие данных границ экстерриториальной юрисдикции в мировой юридической практике.....1196

Янь Юньфэн

Краткий анализ использования положений о корпоративной социальной ответственности в международных инвестиционных соглашениях.....1203

Гущина Н. Г.

Правовые тенденции в деле обеспечения экономической безопасности на современном этапе.....1212

Герашенко С. А.

Методика прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства.....1217

Герашенко С. А.

О соотношении понятий компетенция и полномочия прокуроров.....1225

Румянцева Е. С., Фроловская Ю. И.

Проблемы правового регулирования брачного договора..... 1234

Румянцева Е. С., Фроловская Ю. И.

Брачный договор как способ защиты
имущественных прав супругов.....1238

Пекарева В. В., Фроловская Ю. И.

Гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной
деятельности: систематизация и состояние.....1242

Коломина Г. Д., Фроловская Ю. И.

Защита авторских прав в цифровом пространстве.....1247

Пекарева В. В.

Уголовно-правовая характеристика неправомерного доступа
к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).....1252

Гайтукиев А. М.

Правовой статус членов саморегулируемой организации..... 1257

Боев Д. В.

Необходимая оборона — поощрительная норма права в уголовном
законе.....1261

Кутузова Е. Н.

Civil liability for copyright infringement using artificial intelligence
technologies.....1265

Бармин А. Д.

Правовое регулирование в сфере борьбы с коррупцией.....1270

Лобачев Д. С.

Сравнительная характеристика системы налогообложения
юридических лиц в России и за рубежом.....1274

Харитонов А. Г.

Отдельные аспекты исчисления сроков
в налоговой отрасли права.....1280

УДК 347.91

История медиации как института отечественного процессуального права

Пантелеева Анастасия Валерьевна

магистрант кафедры Предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** Медиация представляет собой относительно новый институт гражданско-го процессуального права, сущность которого заключается в примирении сторон спора с участием посредника — медиатора. Медиация в своем современном понимании возникла в 1920-е годы в США, в 1970-е годы в Европе, в России в середине 1990-х годов распространение получил термин «альтернативное разрешение споров». Арбитражный процессуальный кодекс РФ впервые среди кодифицированных актов процессуального права включил в свой состав нормы, допускающие использование процедуры медиации наравне с иными примирительными процедурами. Таким образом, в отечественном правовом пространстве медиация получила закрепление относительно недавно, но, несмотря на это, свои истоки как примирительная процедура она берет еще в древнерусском праве. Исследованию истории медиации как института примирения и посвящена настоящая статья.*

***Abstract:** Mediation is a relatively new institute of civil procedural law, the essence of which is the reconciliation of the parties to a dispute with the participation of an intermediary — the mediator. Mediation in its modern sense emerged in the 1920s in the USA, in the 1970s in Europe, and in Russia the term “alternative dispute resolution” became widespread in the mid-1990s. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation included in its composition the norms allowing the use of mediation procedure on a par with other conciliation procedures for the first time among the codified acts of procedural law. Thus, in the domestic legal space mediation has been established relatively recently, but despite this, its origins as a conciliation procedure date back to Old Russian law. The present article is devoted to the study of the history of mediation as an institution of reconciliation.*

***Ключевые слова:** медиация, история медиации, примирение, досудебное урегулирование, процессуальное посредничество.*

***Keywords:** mediation, mediation history, reconciliation, pre-trial settlement, procedural mediation.*

Медиация как процессуально-правовой институт была введена в правовое поле и практику правоприменения относительно недавно. Как отмечает А. В. Лошкарёв, на это оказал влияние положительный опыт зарубежных стран, продемонстрировавший количественное снижение передаваемых на рассмотрение по существу дел, сокращение судебных издержек, снижение нагрузки на суды апелляционной и кассационной инстанции [10, с. 184].

Сущность медиации состоит в оказании содействия сторонам спора в целях достижения примирения. Рассматривая медиацию в таком контексте, представляется возможным заметить, что на русской земле институт примирения был известен еще со времен Русской Правды. Так, за причинение смерти виновный должен был уплатить виру и возместить ущерб родственникам убитого лица, фактически таким образом избегая кровной мести. Как указывает Н. Н. Ефремова, принимая плату от убийцы, родственники убитого прощали виновника и примирались с ним. Исследователь полагает, что в роли посредников в такой процедуре выступали члены общины [8, с. 84].

Как отмечает Р. С. Байрамов, во времена Древней Руси роль посредника при примирении выполняли представители духовенства, предоставляя свои услуги в решении международных споров и княжеских междоусобиц [6, с. 26]. Таким образом, в зависимости от характера спора и того, кем представлены противостоящие стороны, посредниками могли выступать разные лица.

В ст. 80 Псковской Судной грамоты 1397 года давалось прямое указание на примирение: «А кто с ким побьется в Пскове или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет». Таким образом, виновника освобождали от несения наказания [11].

В Судебнике 1550 года также предусматривалась возможность примирения сторон еще вплоть до судебного разбирательства. В ст. 9 указывалось: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и подьячему, и неделщику пошлин полевых не имати». Н. Н. Ефремова при этом отмечает, что пошлина взималась с обеих сторон спора [7, с. 14].

Согласно ст. 121 Соборного уложения 1649 года, «А будет которые исцы и ответчики учнут миритися до совершения судных дел, и им о том велеть приносить к судным делам мировые челобитные за своими руками» [12].

Как видно, примирительные процедуры предусматривались законом на протяжении всей истории развития отечественного права. Причем можно обратить внимание на некоторую специфику — гражданская и уголовная юстиция не имели четкого разграничения, и примирение конфликтующих сторон могло осуществляться вне зависимости от типа спорного правоотношения. Исключением становились отдельные преступные деяния: так, к примеру, примирение не допускалось с «лихими» людьми — т. е. совершившими тяжкие уголовные преступления, в частности, разбой.

Впоследствии вместе с разделением судопроизводства примирительные процедуры получили распространение преимущественно при разрешении спорных отношений гражданско-правового характера. В советский период развития права досудебное урегулирование спорных правоотношений в основном применялось в трудовых отношениях [9, с. 393].

Медиация в современном ее понимании стала формироваться в отечественном правовом поле в конце прошлого столетия, получив прямое закрепление только в XXI веке.

Так, в 2011 году вступил в законную силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ, в ст. 1 которой определено, что данный акт был «разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора» [4].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ впервые среди отечественных кодифицированных актов процессуального права предусмотрел возможность использование широко спектра примирительных процедур, не противоречащих требованиям закона. Разумеется, процедура медиации также охватывалась определенной законом совокупностью примирительных процедур, хотя буквально и не упоминалась. Впоследствии Пленумом ВАС РФ в п. 2 Постановления от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» было разъяснено, что «стороны могут использовать любые

примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта» [5].

26 июля 2019 года в стремлении к унификации процессуального законодательства отдельные правовые нормы, посвященные медиации, были введены в АПК РФ (ст. 138.4) [1], ГПК РФ (ст. 153.5) [2], КАС РФ (ст. 137.5) [3], в соответствии с которыми стороны напрямую получили право урегулировать спор путем применения процедуры медиации. Так, процессуальный институт медиации получил окончательное закрепление в его современном понимании отечественном процессуальном законодательстве.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 30, ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 46, ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2015 г., N 10, ст. 1391.
4. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г., № 31, ст. 4162.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2014 г., № 9.
6. Байрамов Р. С. Медиация: история возникновения и развития в России / Р. С. Байрамов // Проблемы конфликто разрешения в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 23 апреля 2020 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. — С. 26–29.

7. Ефремова Н. Н. Медиация в истории российской дореволюционной юстиции / Н. Н. Ефремова // Медиация в правоприменении: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 мая 2011 года. — Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2011. — С. 14–17.
8. Ефремова Н. Н. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) / Н. Н. Ефремова // Государство и право.— 2011.— № 7. — С. 84–90.
9. Корнилова А. Е. История становления и развития института медиации в России / А. Е. Корнилова // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. П. Малкова. В 2-х частях, Чебоксары, 02–03 октября 2020 года. Том Часть 1. — Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2020. — С. 393–397.
10. Лошкарев А. В. История развития института медиации в зарубежных странах (на примере США) / А. В. Лошкарев, И. В. Мараховский // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2021.— № 6–2(57). — С. 184–187.
11. Псковская судная грамота. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg> (Дата обращения: 25.12.2023)
12. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/2001/> (Дата обращения: 25.12.2023)

УДК 347.91

Сущность и специфика медиативного соглашения

Пантелеева Анастасия Валерьевна

магистрант кафедры Предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** Медиативное соглашение представляет собой результат, который удалось достигнуть сторонам спора по итогам проведения процедуры медиации. При самостоятельном урегулировании спора сторонами конфликта, медиативное соглашение имеет гражданско-правовую природу, фактически выступая сделкой, заключение которой оказывает влияние на динамику спорного правоотношения. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка направлена на урегулирование конфликта между сторонами и охрану их прав и законных интересов.*

***Abstract:** Mediated agreement represents the result that the parties to a dispute have managed to achieve during the mediation procedure. When the parties to the conflict settle the dispute independently, the mediation agreement has a civil law nature, acting as a transaction, the conclusion of which influences the dynamics of the disputed legal relationship. Mediation agreement as a civil law transaction is aimed at settling the conflict between the parties and protecting their rights and legitimate interests.*

***Ключевые слова:** медиация, медиативное соглашение, медиатор, урегулирование споров, примирительная процедура.*

***Keywords:** mediation, mediation agreement, mediator, dispute resolution, conciliation procedure.*

Медиативное соглашение достигается сторонами спорного правоотношения по результатам процедуры медиации. В свою очередь, сущность такой примирительной процедуры состоит в воздействии на динамику спорного отношения, направленном на его изменение либо прекращение, достигаемом за счет деятельности особого субъекта — медиатора. Назначением примирительной процедуры медиации обусловлено то, что достигнутое по ее результатам соглашение позволяет учитывать законные интересы каждой из сторон отношения, а также может быть исполнено.

Следует отметить, что проведение процедуры медиации основывается на ряде принципов, напрямую определенных законодателем в ст. 3 Феде-

рального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2]. К таким принципам законодатель относит:

- добровольность;
- конфиденциальность;
- сотрудничество и равноправие сторон;
- беспристрастность и независимость медиатора.

Принцип добровольности предполагает, что стороны спорного правоотношения самостоятельно иницируют процедуру медиации и вправе ее прервать, на свое усмотрение сторонами определяется посредник — медиатор, участием которого обеспечивается достижения целей процедуры урегулирования конфликта.

Принцип конфиденциальности определяет невозможность разглашения сведений, связанных с медиативной процедурой, третьим лицам; более того, медиатор защищен от истребования такой информации.

Принцип сотрудничества и равноправия сторон предполагает, что права и обязанности сторон медиативной процедуры уравновешены, их действия должны согласованно направляться на достижение компромисса в целях реализации целей урегулирования конфликта.

Принцип беспристрастности и независимости медиатора гарантирует, что медиатор лишен заинтересованности в фактическом исходе спора, не поддерживая интересы отдельной стороны; деятельность посредника нацелена на урегулирование спора на взаимоприемлемых для сторон условиях.

Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в ч. 1 ст. 12 определены требования к медиативному соглашению. В соответствии с законом, медиативное соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения.

Представляется возможным согласиться с Г. В. Шевченко в том, что медиативное соглашение обладает двойственной природой, заложенной законодателем непосредственно в вышеупомянутый акт [3, с. 104]. Ана-

логичной позиции придерживаются и Ж. В. Эстерлейн и И. Ю. Загоруйко [4, с. 101].

Если сторонами спора процедура медиации применяется в процессе судебного или третейского разбирательства, в этом случае медиативное соглашение по своей природе процессуально (ч. 3 ст. 12 ФЗ № 193). В случае, если судебный процесс уже имел место, медиативное соглашение как результат процедуры медиации представляет собой ничто иное, как основу для мирового соглашения.

В том случае, если спор не доводится до разбирательства и медиация применяется сторонами в целях самостоятельного его урегулирования, медиативное соглашение обладает материальной, гражданско-правовой природой (ч. 4 ст. 12 ФЗ № 193).

Законодатель в ч. 4 ст. 12 ФЗ № 193 прямо определяет медиативное соглашение, возникшее по гражданско-правовому спору, как сделку. Важно отметить и то, что медиативное соглашение, выступая гражданско-правовой сделкой, может в свое содержание в зависимости от специфики конкретного спорного отношения включать разнообразные юридические конструкции, характерные для сделок различных типов. Нормативная основа медиативного соглашения содержится в положениях гражданского законодательства — в частности, в соответствии с законом к медиативному соглашению применяются положения об отступном (ст. 409 ГК РФ), прекращении обязательства зачетом (ст. 410 ГК РФ), новации (ст. 414 ГК РФ), прощении долга (ст. 415 ГК РФ) и пр. [1]

Таким образом, содержание медиативного соглашения может быть выражено совокупностью любых гражданских прав и обязанностей, согласованность которых позволяет достичь целей примирительной процедуры.

Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка является юридическим фактом — индивидуальным юридическим актом, сущностно направленным на достижение сторонами этой сделки результата, выраженного в наступлении четких правовых последствий. Именно эти последствия в своей совокупности влияют на динамику спорного правоотношения, изменяя либо прекращая таковое. В возникновении таких последствий и заключается цель заключения медиативного соглашения — урегулирование спорного правоотношения между сторонами.

Вместе с тем, как видится, медиативное соглашение преследует и иную цель, заключающуюся в охране прав и законных интересов сторон, поскольку посредством медиативного соглашения возможно применять целый ряд гражданско-правовых способов правовой защиты, определенных ст. 12 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, медиативное соглашение обладает двойственной природой, заложенной непосредственно в текст закона: если процедура медиации применяется в процессе судебного или третейского разбирательства, медиативное соглашение по своей природе процессуально, поскольку служит основой для мирового соглашения. В случае, если медиация применяется сторонами в целях самостоятельного урегулирования спора, медиативное соглашение обладает материальной, гражданско-правовой природой. В этом случае медиативное соглашение есть ничто иное, как сделка, содержание которой может быть выражено совокупностью любых гражданских прав и обязанностей, согласованность которых позволяет достичь целей процедуры, а именно урегулирования спорного правоотношения между сторонами и охрану их прав и законных интересов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г., № 31, ст. 4162.
3. Шевченко Г. В. О юридической сущности медиативного соглашения / Г. В. Шевченко, В. А. Аносов // *Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: монография.* — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. — С. 103–113.
4. Эстерлейн Ж. В. Медиативное соглашение: сущность, особенности заключения и исполнения / Ж. В. Эстерлейн, И. Ю. Загоруйко // *Право*

и наука в современном мире: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 01 марта 2019 года. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. — С. 101–104.

УДК 342.4

Актуальные проблемы конституционного права в представлениях россиян (на примере жителей Волгоградской области)

Молдованов Алексей Александрович

магистрант Волгоградского государственного университета

***Аннотация:** Статья посвящена анализу современных представлений россиян о проблемах в системе конституционного права на примере жителей Волгоградской области. Проанализирована структура юридических несовершенств и недостатков в тексте Конституции Российской Федерации. Реализовано авторское социологическое исследование по тематике проблем соответствующей отрасли права на территории Волгоградской области. Определена структура проблематики различных вопросов в системе конституционного права Российской Федерации. Сделаны выводы об актуальности и высоком значении отдельных проблем, связанных с отраслью конституционного права.*

***Abstract:** The article is devoted to the analysis of modern perceptions of Russians about the problems in the system of constitutional law on the example of residents of Volgograd region. The structure of legal imperfections and shortcomings in the text of the Constitution of the Russian Federation is analyzed. The author's sociological research on problems of the relevant branch of law on the territory of Volgograd region is realized. The structure of the problems of various issues in the system of constitutional law of the Russian Federation is determined. Conclusions are made about the relevance and high importance of certain problems related to the branch of constitutional law.*

***Ключевые слова:** конституционное право, поправки в конституции, социологическое исследование, законы.*

***Keywords:** constitutional law, constitutional amendments, sociological research, laws.*

.....

Значение отрасли конституционного права для стабильного и эффективного функционирования государства невозможно переоценить. Конститу-

туция (как основной нормативно-правовой документ), а также решения Конституционного суда Российской Федерации играют решающую роль в устойчивом существовании и развитии ключевых государственных институтов. Таким образом, конституционное право является системообразующей «несущей» конструкцией страны.

В настоящее время роль конституционного права не теряет своей актуальности. За последние годы Конституция Российской Федерации успела претерпеть значительные изменения, и её содержательная структура по-прежнему является предметом юридических разногласий. Тем не менее, основной закон государства охватывает различные сферы общественной жизни, в связи с чем анализ значения указанного документа для рядовых представителей российского общества представляется весьма актуальным, особенно в контексте упомянутых изменений.

Современные исследователи по-разному определяют наиболее «проблемные» элементы юридического дискурса относительно системы конституционного права России. Так, например, среди ключевых недостатков Конституции РФ в современном виде выделяют отсутствие в ней в качестве самостоятельных глав таких конституционно-правовых институтов, как институт гражданства РФ и институт избирательного права [4]. По мнению других исследователей, в основном законе государства остаётся неясным вопрос регулирования свободы мирных собраний [3].

Помимо этого, существуют различные оценки внесённых в 2020 году изменений в главный государственный документ. Говоря об отношении к внесению поправок в Конституцию, многие юристы отзываются о данном опыте довольно негативно, говоря, что данный вид изменения может спровоцировать противоречия внутри самой Конституции и пошатнуть демократические устои нашего государства [1]. В частности, например, опасения вызывают вопросы, связанные с принципиально новыми аспектами понимания содержания суверенитета государственной власти во внутригосударственном пространстве в конституционном регулировании России, дефиниции понятий «публичная власть» и «единая система публичной власти» в составе понятийного аппарата Конституции РФ, и т. д.

Как известно, общество традиционно чувствительно к наиболее крупным нормативно-правовым корректировкам, что, в свою очередь, дик-

тует необходимость непрерывной актуализации представлений граждан о самых острых проблемах и противоречиях, возникающим в правовом поле на различных уровнях. Недостатки в структуре системы конституционного права в данном случае имеют особое значение, поскольку являются элементами фундаментальной отрасли юридической науки и практики.

На основании вышеизложенного, в целях комплексного измерения отношения жителей Волгоградской области к проблемам конституционного права в современной России, в январе 2024 года было проведено авторское социологическое исследование, затронувшее 200 жителей указанного региона. Исследование реализовано в формате анкетного опроса, структура которого включала в себя 10 пунктов, направленных на сбор данных об актуальных представлениях граждан по различным вопросам, относимым к тематике исследуемых проблем.

Респондентам было предложено выразить своё отношение к наиболее острым и актуальным проблемам конституционного права России, выделяемым в последние годы ведущими теоретиками и практиками соответствующей отрасли. Так, например, участникам исследования был задан вопрос: «На Ваш взгляд, реализуемо ли в России конституционное право граждан на свободу мирных собраний?». Примечательно, что по итогам анализа результатов опроса, было выявлено значительное превышение (78%) количества ответивших положительно над числом тех респондентов, которые выбрали вариант «нет» или затруднились в ответе на указанный вопрос. Следовательно, в настоящее время для россиян проблемы, связанные с недостатками законодательства относительно мирных собраний, не являются остро ощущаемыми.

Тем не менее, противоположные результаты демонстрирует вопрос: «На Ваш взгляд, необходимо ли в Конституции закрепить положения, определяющие статус гражданства РФ?». Итоги реализации исследования по данному пункту позволяют полагать, что 86% опрошенных выступают за внесение соответствующих положений в текст основного закона страны. Следовательно, высокая актуальность данной проблемы для современного российского общества находит обоснованное подтверждение.

Одним из ключевых вопросов анкеты является пункт, сформулированный следующим образом: «На Ваш взгляд, необходимо ли внести какие-либо изменения в Конституцию РФ?». Результаты по данному вопросу позволяют определить отношение граждан к основному нормативно-правовому документу страны в целом, измерить уровень удовлетворенности жителей государства современным содержанием главного закона. Несмотря на то, что количество ответивших отрицательно на данный вопрос (58%) превышает число респондентов, выбравших утвердительный вариант (42%), последний из упомянутых показателей следует признать весьма значительным, что в свою очередь, подтверждает наличие определенных несовершенств в структуре современного российского конституционного права.

Таким образом, по итогам реализации авторского социологического исследования по вопросам актуальной проблематики конституционного права Российской Федерации, проведенного на территории Волгоградской области, следует сделать следующие выводы:

1. Наличие общественного запроса на улучшение эффективности реализации конституционного права граждан на свободу мирных собраний, определенное статьёй 31 основного закона страны [2], не подтверждается соответствующими данными. Указанное обстоятельство косвенно демонстрирует достаточность соответствующих федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, уточняющих различные особенности реализации данного пункта в составе Конституции.
2. Высока актуальность проблемы закрепления в Конституции РФ определяющих положений, относимых к институту гражданства России, не упоминаемых в современном тексте данного документа.
3. Подтверждается обеспокоенность россиян несовершенствами современного конституционного права в целом, что демонстрирует высокое число граждан, выступающих за внесение каких-либо изменений в текст главного нормативно-правового документа страны.

Следовательно, вопросы комплексного совершенствования различных элементов в структуре системы российского конституционного права остаются актуальными и, предположительно, будут являться предметом юридических разногласий в ближайшие годы. Перед правовой системой

российского государства в целом в настоящее время стоит задача формирования совокупности судебной практики по итогам внесения поправок в основной закон страны в 2020 году, а также всестороннего осмысления ключевых дополненных и изменённых положений в структуре Конституции Российской Федерации.

Список литературы

1. Еськова, М. Н. Современные проблемы конституционного права / М. Н. Еськова, В. С. Лосева. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник.— 2021.— № 1 (25). — С. 3–4. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/186/5836/> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Погодин М. А. Актуальные проблемы конституционного права на свободу мирных собраний //Право и государство: теория и практика.— 2021.— № . 5 (197). — С. 65–67.
4. Рашевский А. А. Актуальные проблемы конституционного права РФ // Вестник волжского университета им. ВН Татищева.— 2009.— № . 70. — С. 36–45.

УДК 34

Конституция Российской Федерации как источник таможенного права

Молдованов Алексей Александрович

магистрант Волгоградского государственного университета

Аннотация: В статье рассматриваются основные конституционные нормы, регулирующие таможенное право в Российской Федерации. Анализируется роль Конституции Российской Федерации в таможенной сфере.

Abstract: *The article considers the main constitutional norms regulating customs law in the Russian Federation. The role of the Constitution of the Russian Federation in the customs sphere is analyzed.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, таможенное право, нормативно-правовое законодательство, отрасли права.*

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation, customs law, regulatory legislation, branches of law.*

Конституция Российской Федерации является основным источником законов в России, который определяет фундаментальные принципы организации и функционирования государства, права и свободы граждан, порядок принятия и действия законов. Конституция Российской Федерации заложена в основе всего правового строя и законодательства, охватывая влиянием все аспекты, в том числе таможенное регулирование в стране. Роль Конституции в обществе в целом и правовой системе нельзя недооценивать, поскольку данный правовой акт не только обеспечивает стабильность работы всех структур государства, но и защищает права и свободу граждан.

В формально-юридическом контексте источник права представляет собой методологию выражения и закрепления норм права, которая включает в себя как законы и нормативно-правовые акты, так и практику, включая судебные решения и иные источники, определяющие объекты правовых отношений. В этом смысле Конституция выступает как главный источник права, устанавливающий принципы и ценности, на которых основывается дальнейшее законодательство страны и правоприменительная практика.

Согласно тексту основного закона, отдельные элементы в его структуре, касающиеся сферы таможенного регулирования в России, не имеют возможности применения исходя лишь из положений самой Конституции в качестве единственных и абсолютных несмотря на то, что включены в её содержание. Другими словами, законодательством закрепление основ таможенного права, носит, безусловно, конституционный характер, но может регулироваться и другими законодательными актами, включая законы о таможенном регулировании и другие смежные нормативные акты.

Концепция конституционализации отраслевого законодательства предполагает систематический анализ конституционных норм и определение их влияния на разработку нормативных актов, соответствующих содержанию отрасли, с целью регулирования сложных общественных отношений. Такой подход предполагает не только интерпретацию правовых норм в соответствии с отраслевой направленностью, но и соответствия отраслевым законам, нормативным актам, конституционным принципам и ценностям, что в совокупности обеспечивает установление гармоничных и устойчивых правовых отношений в структуре общества.

«Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15).

Распространено суждение, гласящее, что нормы Конституции РФ традиционно дифференцируются на два типа в аспекте таможенного права, первый из которых объединяет фундаментальные принципы, которые характерны для всех видов отраслей, в том числе и таможенной. Особенность данного типа заключается в себе прямое влияние на природу таможенного права, ее развитие и обеспечение прав и свобод граждан в аспекте таможенных отношений. Второй тип, в свою очередь, объединяет только те нормы, которые устанавливают специфику таможенных отношений и основы соответствующего регулирования. К таковым можем отнести:

1. Порядок осуществления таможенной деятельности;
2. Контроль за перемещением товара через таможенную границу;
3. Финансовое регулирование (включая сбор таможенных пошлин, а также налоговую политику в соответствующей сфере).

Устойчивое развитие и эффективное применение норм таможенного права возможно исключительно в случае синтеза (сочетания) данных аспектов. Указанные типы норм следует рассматривать в комплексе, в неотрывной связи друг от друга.

В структуре текста основного закона государства термин «таможенный» упоминается в совокупности три раза. Пункт «ж» статьи 71 Конституции гласит, что в области таможенного регулирования свои компетенции осу-

шествляет именно Российская Федерация. Помимо этого, указанное положение устанавливает факт единства таможенно-правового регулирования в нашей стране, сконцентрированного в руках государства. Согласно части 1 статьи 74 Конституции, введение таможенных границ, пошлин, сборов и других барьеров, ограничивающих свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на территории Российской Федерации запрещено. В соответствии со статьей 106 Конституции РФ, все нормативно-правовые акты федерального уровня, связанные с системой таможенного регулирования в России, обязаны быть приняты нижней палатой парламента, а затем пройти процедуру принятия в Совете Федерации (верхней палате).

Тем не менее, существует целый ряд иных положений Конституции, используемых в правовом регулировании таможенной отрасли России. В частности, следует отметить отдельные элементы главы первой в структуре основного закона страны, определяющей базовые положения относительно существования конституционного строя, такие как принцип уважения прав и свобод человека, установленный в статье второй указанной главы, а также статья восьмая, определяющая единство российского экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности. Немаловажную роль играет статья 15, связанная с установлением принципа законности.

В соответствии с положениями статьи 15 Конституции РФ, нормативные правовые акты, влияющие на права, свободы и обязанности человека и гражданина, не применяются, если не опубликованы официально для всеобщего сведения. Пункт 4 этой же статьи закрепляет принцип приоритета международно-правовых норм, включая общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры Российской Федерации как составную часть ее правовой системы. Данный тезис в структуре отрасли таможенного регулирования и соответствующего типа правоотношений также может широко применяться.

Указанные положения, входящие в содержание основного нормативно-правового акта России, являются не единственными, относимыми к отрасли таможенного регулирования в целом. Так, например, существу-

ют примеры обжалования отдельных решений в Конституционном суде Российской Федерации, в которых заявители ссылались на статью 35 Конституции РФ, запрещающую лишение собственности без решения суда, а также на статью 57, обязывающую каждого платить законно установленные налоги и сборы, и устанавливающую, что законы, ухудшающие положение налогоплательщиков не могут иметь обратного эффекта.

Роль Конституции в данном случае состоит не столько в наличии профильных положений, напрямую относимых к сфере таможенного регулирования со стороны государства, сколько в установлении базовых принципов и норм, оказывающих на указанную отрасль существенное влияние. Общие и конституционные принципы в данном случае также различны, в связи с чем при анализе Конституции РФ как источника таможенного права следует чётко разграничивать эти положения и проследить принципиальную разницу между ними. Если речь идет об общих принципах, подразумевается их распространение на все правовые нормы и их действие в рамках всей системы права. Соответственно, когда речь идет о конституционных принципах, имеется в виду их фактическое закрепление в тексте Конституции, что придает им особую важность и значимость в контексте конституционного судопроизводства и интерпретации данных норм.

Данная точка зрения находит отражение во многих отечественных исследованиях, а частности, И. В. Алебастрова также дифференцирует все нормы конституции на три типа — межотраслевые, отраслевые и институционные. Автор также отмечает, что в аспекте таможенного права определить значимость те или иных не представляется возможным, так как таможенные отношения требуют актуализации не только отношения внутри страны, но и международные отношения.

В данном случае следует обратить внимание на определённые общеправовые принципы, значение которых для отрасли таможенного регулирования имеет решающее значение. Так, например, В. В. Бекирова отмечает, что одной из важнейших особенностей действия субъектов таможенного права является рассмотрение этого участия с точки зрения особых международных таможенных отношений.

Важно отметить, что аналогичные принципы справедливы и для других областей права. Например, статья 3 часть 1 Налогового кодекса РФ,

которая устанавливает основные принципы законодательства о налогах и сборах, не упоминает о верховенстве Конституции РФ, однако это не исключает действия преимущества основного закона в области налогового права.

Несмотря на то, что таможенное право зачастую выделяется как отдельная отрасль в структуре российской правовой системы (или считается частью административного права), упомянутые в Конституции РФ положения являются основными принципами, применяемыми в таможенном праве и законодательстве. Они отражаются и развиваются в нормах Таможенного кодекса РФ и других таможенных актах. Конституционный Суд РФ в своих решениях оценивает соответствие таможенного законодательства вышеупомянутым принципам.

Несмотря на высокий юридический статус Конституции РФ, в таможенном законодательстве могут быть найдены положения, которые не соответствуют тексту Конституции и могут противоречить ей. Например, статья 2 Таможенного кодекса РФ 2003 года устанавливала, что на территории Российской Федерации могут быть созданы особые экономические зоны в соответствии с федеральными законами, которые являются частью таможенной территории Российской Федерации.

Действующее таможенное законодательство, в том числе, основные конституционные положения по соответствующей проблематике и законы об особых экономических зонах становятся причиной определенных затруднений для беспрепятственного передвижения товаров и грузов через границы особых экономических зон. В литературе уже отмечались эти противоречия, и предлагались варианты их разрешения: изменение Конституции, отказ от использования особых экономических зон, приведение нормативно-правовой базы в соответствие с Конституцией РФ.

Считается, что внесение коррективов в текст основных законов страны является одним из наиболее приемлемых и целесообразных методов исправления существующих недостатков, поскольку особые экономические зоны и режим свободной таможенной зоны серьёзное значение для успешности реализации процесса привлечения инвестиций в данные территории, что, в свою очередь, напрямую связано с их устойчивым и эффективным всесторонним (прежде всего, экономическим) развитием.

Тем не менее, поправки в Конституцию 2020 года не учли необходимость внесения соответствующих коррективов, и потенциал изменения текста основного закона страны в настоящее время следует оценивать как весьма маловероятный.

Таким образом, обеспечение высшей юридической силы Конституции требует непрерывного внимания. Законодательная, судебная и исполнительная власти, а также органы прокуратуры должны гарантировать надлежащее соблюдение таможенно-правовых норм в полном соответствии с буквой и духом действующей Конституции.

Список литературы

1. Алебастрова И. А. Конституционные принципы: проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право.— 2007.— № . 7. — С. 5–13.
2. Бекирова В. В. Таможенное право в системе международного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2021.— № . 5–3. — С. 40–43.
3. Крусс В. И. Юридические предпосылки и перспективы конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право.— 2008.— № . 5. — С. 2–5.
4. Репина С. И. К вопросу определения места таможенного права в системе российского права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2020.— № . 2–2. — С. 171–173.

УДК 341.01

Причины, трудности и совершенствование международно-правовой охраны интеллектуальной собственности

Чжао Юаньхэ

бакалавр Сычуаньского университета иностранных языков (Китай)

***Аннотация:** Значение международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности заключается в содействии инновациям, защите творческих достижений, стимулировании научно-технического развития и содействии экономическому процветанию. Международная правовая защита обеспечивает эффективное соблюдение прав интеллектуальной собственности во всем мире, вознаграждает новаторов и побуждает к продолжению исследований и изобретений. В то же время это помогает создать среду справедливой рыночной конкуренции и способствовать здоровому развитию экономической глобализации. Как отметил ученый Драхос (2016), глобальное управление правами интеллектуальной собственности имеет решающее значение для поддержания инновационной экосистемы. Однако международно-правовая защита прав интеллектуальной собственности сталкивается с рядом проблем. Что касается законодательства, несмотря на существование многосторонних и двусторонних соглашений, таких как Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву и Парижская конвенция, различия в правовых стандартах и усилиях по обеспечению соблюдения прав между странами привели к несогласованности в соблюдении прав интеллектуальной собственности. Кроме того, отсутствие глобального агентства по защите интеллектуальной собственности делает международное сотрудничество относительно разрозненным и плохо скоординированным.*

***Abstract:** The significance of international legal protection of intellectual property rights is to promote innovation, protect creative achievements, stimulate scientific and technological development, and contribute to economic prosperity. International legal protection ensures effective enforcement of intellectual property rights worldwide, rewards innovators and encourages continued research and invention. At the same time, it helps to create an environment of fair market competition and promote the healthy development of economic globalization. As noted by scholar Drahos (2016), the global governance of intellectual property rights is critical to sustaining the innovative ecosystem. However, international legal protection of intellectual property rights faces several challenges. In terms of legislation, despite the existence of multilateral and bilateral agreements such as the World Intellectual Property Organization Copyright Treaty and the Paris Convention, differences in legal standards and enforcement efforts between countries have led to inconsistencies in the enforcement of intellectual property rights. In*

addition, the lack of a global intellectual property enforcement agency has made international cooperation relatively fragmented and poorly coordinated.

Ключевые слова: *международно-правовая охрана интеллектуальной собственности, проблемы и дилеммы, глобальное сотрудничество и юридическое образование.*

Keywords: *international legal protection of intellectual property, challenges and dilemmas, global collaboration and legal education.*

Проблемы международно-правовой защиты интеллектуальной собственности: неправомерное использование странами и компаниями

На практике международно-правовая защита прав интеллектуальной собственности также сталкивается с неправомерным использованием прав интеллектуальной собственности странами и нарушением прав интеллектуальной собственности предприятиями. Некоторые страны могут нарушать патенты или незаконно присваивать коммерческую тайну в национальных интересах, вызывая недобросовестную конкуренцию. Компании крадут интеллектуальную собственность для злонамеренного преследования, отсекая конкурентов или получая необоснованные конкурентные преимущества. Ученый Маскус (2000) отметил, что эта ситуация требует от международного сообщества принятия более мощного механизма сотрудничества для защиты неправомерного использования прав интеллектуальной собственности.

На международном уровне обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности требует комплексных мер. Во-первых, международное сообщество может усилить надзор, создать более строгую систему защиты прав интеллектуальной собственности и создать механизм привлечения к ответственности за целевое поведение. Ученый Дрейфус (2010) в своем исследовании отметил, что создание глобального агентства по защите прав интеллектуальной собственности поможет более своевременно и эффективно реагировать на неправомерную эксплуатацию со стороны стран и компаний.

Во-вторых, усиление международного обмена информацией и координации также является важным шагом в решении проблем международно-пра-

вой защиты прав интеллектуальной собственности. Ученый Селл (2003) упомянул в своем исследовании, что, создав международную базу данных интеллектуальной собственности, страны могут быстро получить более глубокое представление о целевом поведении и принять своевременные меры. Кроме того, международные конференции и проекты сотрудничества также могут использоваться для содействия более глубокому обмену между сторонами по стандартам и практике защиты интеллектуальной собственности.

С другой стороны, акцент на соблюдении требований и этической ответственности на корпоративном уровне также является ключом к предотвращению кражи интеллектуальной собственности. Предприятия должны создать систему управления интеллектуальной собственностью на культурные реликвии, следовать принципу добросовестного управления и предотвращать нарушения интеллектуальной собственности в отношении культурных реликвий. Исследования ученого Гафеле (2008) показывают, что корпоративная самодисциплина и участие отраслевых ассоциаций могут эффективно регулировать корпоративное поведение и сократить неправомерное использование прав интеллектуальной собственности.

Столкнувшись с этой проблемой, мировому сообществу необходимо работать вместе, чтобы сформулировать практические механизмы международной правовой защиты для решения проблемы нарушения прав интеллектуальной собственности. Только посредством международного сотрудничества, укрепления правоохранительных органов и корпоративной самодисциплины можно лучше поддерживать здоровую экологию инноваций и интеллектуальной собственности.

Рекомендации по усилению международно-правовой защиты интеллектуальной собственности: важность глобального сотрудничества и юридического образования

Для улучшения международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности необходимо укреплять сотрудничество в глобальных механизмах. Рекомендуется создать более сложное глобальное агентство по защите прав интеллектуальной собственности для содействия более тесному сотрудничеству, более последовательным правовым стандартам

и усилиям по обеспечению соблюдения прав во всех регионах. Это также ключевой шаг для укрепления международного сотрудничества, предложенный ученым Маскусом (2000).

Подчеркивая глобальные протесты, это также является ключом к укреплению правового понимания международным сообществом прав интеллектуальной собственности. Ученый Маскус (2000)** подчеркнул, что посредством международных семинаров, учебных курсов и других форм необходимо повысить уровень правового познания соответствующих специалистов-практиков в различных странах, а также углублять понимание законов об интеллектуальной собственности. Юридическое образование не только способствует лучшему формулированию и пониманию соответствующих правил, но также снижает вероятность неправомерного использования прав интеллектуальной собственности.

Кроме того, решающее значение имеет сокращение целевых и злонамеренных судебных разбирательств. Ученый Селл (2003) отметил, что для создания более справедливой и эффективной системы защиты интеллектуальной собственности страны могут работать вместе над стандартизацией и сокращением злонамеренного целевого поведения посредством международного правового сотрудничества. права интеллектуальной собственности управление во избежание неправомерного судебного преследования В этом предложении двусторонний подход механизмов глобального сотрудничества и юридического образования обеспечит лишь ощущение неотложности и устойчивую основу для международно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности Улучшение через углубление сотрудничество, правовая осведомленность и сокращение нарушений. Только так мы сможем лучше добиться эффективной защиты глобальных прав интеллектуальной собственности.

Перспективы международно-правовой охраны интеллектуальной собственности: ключевые вопросы интеллектуальной собственности и инноваций

Заглядывая в будущее, с развитием науки и техники и глобальной экономики, международно-правовая защита прав интеллектуальной соб-

ственности станет более полной. Ученые Эбботт и Снидал (2000) полагают, что права интеллектуальной собственности и инновации станут ключевыми вопросами в корректировке механизма разрешения торговых споров. Однако преодоление национального суверенитета и укрепление сотрудничества между международным сообществом остаются проблемами. В будущем может быть создана более всеобъемлющая и мощная международная организация для содействия глобальной защите прав интеллектуальной собственности. Эта тенденция не только отражает необходимость международного сотрудничества, но и выдвигает более высокие требования к гибкости международно-правовой системы. Точка зрения Эбботта и Снидала (2000) подчеркивает, что мировому сообществу необходимо более тесно сотрудничать для формулирования более инновационной и приоритетной правовой политики. В то же время будущие задачи будут включать в себя способы достижения глобального сотрудничества при уважении национального суверенитета и способы содействия инновациям и технологическому развитию, обеспечивая при этом защиту интеллектуальной собственности. Ученые Эбботт и Снидал (2000) считают, что защита прав интеллектуальной собственности должна сбалансировать инновации и общественные интересы, избегать образования торговых барьеров и способствовать защите прав интеллектуальной собственности всеми сторонами на основе общего развития. В этом процессе мировому сообществу необходимо работать вместе, чтобы способствовать развитию международной системы правовой защиты прав интеллектуальной собственности в более справедливом, разумном и разумном направлении посредством международного сотрудничества. Будущие тенденции развития будут зависеть от того, насколько международное сообщество будет работать вместе и глубоко понимать ключевую роль интеллектуальной собственности в глобальных инновациях и устойчивом развитии.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что проблемы, предложения и перспективы международно-правовой охраны интеллектуальной собственности демонстрируют сложность и спорность этой области. Столкнувшись

с неправомерной эксплуатацией со стороны государств и предприятий, непоследовательным правоприменением и глобальными проблемами защиты интеллектуальной собственности, мировому сообществу необходимо работать вместе для решения международных проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, путем укрепления международного сотрудничества, создания более слабых правоохранительных органов и усиления юридического образования. Проблемы правовой защиты. Эти предложения — от укрепления международного сотрудничества и повышения правовой осведомленности до построения глобальной защиты интеллектуальной собственности — дают четкое направление для будущего развития. По мере развития технологий и глобальной экономики защита интеллектуальной собственности будет продолжать развиваться и преодолевать национальные проблемы. Раскол суверенитета и достижение глобального сотрудничества по-прежнему останутся проблемами, которые необходимо решить. Мнения ученых напоминают нам, что только посредством более тесного международного сотрудничества мы сможем лучше сбалансировать отношения между защитой интеллектуальной собственности и продвижением инноваций и устойчивого развития. Поэтому мировому сообществу необходимо работать вместе, чтобы обеспечить развитие международной правовой системы защиты прав интеллектуальной собственности в более справедливом, эффективном и разумном направлении. Только в рамках общей правовой базы страны могут способствовать обмену знаниями и инновациям, тем самым достигая целей глобального экономического процветания и устойчивого развития.

Список литературы

1. Драгос, П. (2016). «Глобальное управление знаниями: патентные ведомства и их клиенты». Издательство Кембриджского университета.
2. Маскус, К.Е. (2000). «Права интеллектуальной собственности в глобальной экономике». Институт международной экономики.
3. Селл, СК (2003). «Частная власть, публичное право: глобализация прав интеллектуальной собственности». Издательство Кембриджского университета.

4. Эбботт Ф.М. и Снидал Д. (2000). «Жесткое и мягкое право в международном управлении». Международная организация, 54 (3), 421–456.

УДК 341.01

Влияние на право международной торговли на фоне развития трансграничной электронной коммерции

Чжао Юаньхэ

бакалавр Сычуаньского университета иностранных языков (Китай)

***Аннотация:** С быстрым развитием эпохи Интернета индустрия трансграничной электронной коммерции переживает бум. Бурное развитие этой отрасли не только успешно удовлетворяет разнообразные покупательские потребности потребителей, но и в значительной степени способствует росту национальной экономики. Текущие тенденции показывают, что трансграничная электронная коммерция, как ожидается, приведет к еще большему масштабу развития в будущем. Однако бурный рост трансграничной электронной коммерции также создал серьезные проблемы для системы права международной торговли. Чтобы лучше адаптироваться к нынешней быстро развивающейся торговой среде, международное торговое право необходимо срочно оптимизировать и реформировать. На этом фоне быстрый рост трансграничной электронной коммерции вызвал пересмотр права международной торговли. Специфика отрасли и быстро меняющаяся бизнес-модель создали ряд проблем для существующей правовой базы, включая, помимо прочего, вопросы платежей и расчетов, механизмы разрешения торговых споров, межправительственное общение и законодательство и т. д. Сложность этих вопросов требует более точной настройки международного торгового права, чтобы оно оставалось эффективным и применимым.*

***Abstract:** With the rapid development of the Internet era, the cross-border e-commerce industry is booming. The rapid development of this industry not only successfully meets the diverse purchasing needs of consumers, but also contributes greatly to the growth of national economies. Current trends show that cross-border e-commerce is expected to lead to an even greater scale of development in the future. However, the rapid growth of cross-border e-commerce has also posed serious challenges to the international trade law system. To better adapt to the current rapidly evolving trading environment, international trade law urgently needs to be optimized and reformed. Against this background, the rapid growth of cross-border e-commerce has triggered the revision of international trade law. The specifics of the industry and*

the rapidly changing business model have posed a number of challenges to the existing legal framework, including but not limited to payment and settlement issues, trade dispute resolution mechanisms, intergovernmental communication and legislation, etc. The complexity of these issues requires more fine-tuning of international trade law to ensure that it remains effective and applicable.

Ключевые слова: трансграничная электронная коммерция, право международной торговли, корректировка законодательной базы.

Keywords: cross-border e-commerce, international trade law, legal framework adjustment.

Проблемы платежно-расчетного характера

Вопросы платежей и расчетов привлекли большое внимание в трансграничной электронной торговле, особенно по мере того, как интернационализация торговой деятельности продолжает углубляться. Разнообразие валют и различия в платежных системах стали серьезными проблемами в процессе платежей и расчетов. В этой области исследование Де Франчески (2016) «Влияние электронной коммерции на международное налогообложение» подчеркивает глубокое влияние электронной коммерции на международное налогообложение.

Исследование Де Франчески ясно указывает на то, что развитие электронной коммерции полностью изменило традиционную налоговую модель. Это не только предполагает координацию налоговой политики между странами, но также требует комплексной корректировки международной налоговой системы для адаптации к этой новой ситуации. В условиях быстрого развития электронной коммерции становится ясно, что традиционная система налогообложения не в полной мере способна решить проблемы, возникающие в связи с новыми бизнес-моделями. Поэтому международному сообществу необходимо работать вместе, чтобы предложить более гибкий и осуществимый международный налоговый механизм, чтобы обеспечить правильное решение вопросов налогообложения электронной коммерции.

Столкнувшись с вопросами платежей и расчетов, Де Франчески предложил не только сосредоточиться на решении текущих практических задач, но и подумать об устойчивости будущей налоговой системы. Быстрое

развитие электронной коммерции означает, что налоговая система также нуждается в постоянном обновлении. Его исследования позволяют нам глубже понять эту проблему и служат важным ориентиром для международного сообщества при разработке адаптивной налоговой политики. Поэтому решение проблемы платежей и расчетов — это не только техническая и институциональная задача, но и призыв к согласованным усилиям международного сообщества по достижению модернизации и скоординированного развития глобальной налоговой системы.

Корректировки механизма разрешения торговых споров

Корректировка механизма разрешения торговых споров стала основным предметом внимания в развитии трансграничной электронной коммерции. С расширением трансграничной электронной коммерции частое возникновение торговых споров привлекло широкое внимание со стороны системы международного торгового права. В этом контексте Ли-Макияма (2017) глубоко исследовал проблемы и влияние трансграничной электронной коммерции на Всемирную торговую организацию (ВТО) в своем исследовании «Электронная коммерция в ВТО».

В рамках ВТО Ли-Макияма ясно указал, что с развитием глобальной цифровой среды ВТО необходимо скорректировать свой механизм разрешения торговых споров, чтобы более гибко адаптироваться к постоянному развитию электронной коммерции. Его исследования подчеркивают, что в эпоху цифровых технологий специфика торговых споров требует более инновационной и адаптивной правовой политики. Таким образом, корректировка правовой базы ВТО стала ключевым шагом для обеспечения стабильности и справедливости глобальной торговой системы.

ван дер Молен (2020) еще больше углубил исследование влияния электронной коммерции на право ВТО в статье «Электронная коммерция и право ВТО: от многосторонности к двусторонности?». Он подробно обсудил трансформацию урегулирования торговых споров от многосторонности к двустороннему подходу в ходе развития электронной коммерции. Этот сдвиг предполагает не только способ разрешения споров, но и общую корректировку права международной торговли. Эти

исследования дают нам глубокую информацию и позволяют лучше понять влияние изменений в механизме разрешения торговых споров на электронную коммерцию и правовую систему ВТО. В будущем, с дальнейшим развитием электронной коммерции, адаптивность и инновации станут ключевыми вопросами корректировки механизма разрешения торговых споров.

Важность межправительственного общения и законодательства

Важность межправительственного общения и законодательства становится все более заметной в контексте глобальной трансграничной электронной коммерции. Глобальный характер трансграничной электронной коммерции требует более тесного сотрудничества и взаимодействия между правительствами для решения возникающих проблем и содействия упрощению процедур торговли. В этом отношении исследование Пауэлина, Шингала и Вунша-Винсента «Глобальная электронная коммерция и онлайн-рынки: влияние на международную торговлю и последствия для упрощения процедур торговли и развития» (2015) дает глубокое понимание электронной коммерции и онлайн-торговли, рынков международной торговли.

В исследовании освещаются изменения, которые электронная коммерция и онлайн-рынки оказывают на структуру международной торговли, и анализируется их потенциальное влияние на упрощение процедур торговли и развитие. Столкнувшись с быстрым развитием электронной коммерции, правительствам различных стран необходимо усилить взаимодействие для разработки общих правил и стандартов для обеспечения стабильности и устойчивого развития торговой системы. Межправительственное сотрудничество не только включает обмен информацией, но также требует создания более открытой и прозрачной платформы международного сотрудничества для решения возникающих торговых проблем.

Кроме того, исследования таких ученых, как Повелин, также служат полезным источником вдохновения для разработки государственного

законодательства и дают правительствам рекомендации по формулированию правил и политики, адаптированных к эпохе электронной коммерции. Это межправительственное сотрудничество и общение станут ключом к поддержанию правовой координации и стабильности в глобальной трансграничной электронной коммерции в будущем.

Подводя итог, можно сказать, что с бурным развитием эпохи Интернета индустрия трансграничной электронной коммерции не только удовлетворяет потребности потребителей и способствует экономическому росту страны, но и создает серьезные проблемы для законов международной торговли. Вопросы платежей и расчетов, корректировки механизма разрешения торговых споров, а также межправительственное общение и законодательство оказались в центре внимания действующего международного торгового права, которые необходимо решить в срочном порядке. Исследования таких ученых, как Де Франчески, Ли-Макияма, ван дер Молен, Паувелин и других, позволили нам получить глубокое понимание этих проблем и стали полезным справочником для международного сообщества при решении правовых проблем, возникших в результате развития трансграничная электронная коммерция.

Заключение

В будущем международному сообществу необходимо укреплять сотрудничество и продвигать международную стандартизацию платежных и расчетных механизмов для обеспечения безопасности, удобства и эффективности платежей. Корректировка механизма разрешения торговых споров должна быть более гибкой, адаптироваться к развитию электронной коммерции и добиться эффективного перехода от многосторонности к двусторонности в рамках ВТО. Тесное общение и законодательное сотрудничество между правительствами станут важной гарантией сохранения стабильности и развития глобальной торговой системы. Благодаря совместным усилиям международное торговое право сможет лучше адаптироваться к быстрым изменениям в трансграничной электронной торговле и способствовать устойчивому процветанию мировой экономики.

Список литературы

1. Де Франчески, А. (2016). «Влияние электронной коммерции на международное налогообложение». Бюллетень международного налогообложения, 70(9), 498–512.
2. Ли-Макияма, Х. (2017). «Электронная коммерция в ВТО». Периодический доклад ЕСИРЕ № 02/2017.
3. ван дер Молен, И. (2020). «Электронная коммерция и право ВТО: от многосторонности к двусторонности?» Обзор мировой торговли, 19(4), 528–560.
4. Пауэлин Дж., Шингал А. и Вунш-Винсент С. (2015). «Глобальная электронная коммерция и онлайн-рынки: влияние на международную торговлю и последствия для упрощения процедур торговли и развития». Фонд информационных технологий и инноваций.

УДК 341.01

Расширение и сжатие данных границ экстерриториальной юрисдикции в мировой юридической практике

Янь Юньфэн

бакалавр Сычуаньского университета иностранных языков (Китай)

Аннотация: В эпоху глобализации виртуальность онлайн-мира и быстрое распространение нематериальных атрибутов данных размыли региональный характер закона, фундаментально ослабив принцип суверенитета. Распространение цифровых технологий, особенно развитие облачных вычислений, еще больше усугубило размывание географических атрибутов из-за разделения источников данных и мест хранения, а также юрисдикции и управления, вызванных разделением контролеров и владельцев данных. вопросы взаимосвязанных прав. Эти явления усложняют проблему экстерриториальной юрисдикции. Однако, условно говоря, экстерриториальная юрисдикция, как право суверенных государств применять внутренние правовые нормы за пределами своей юрисдикции, до сих пор четко не урегулирована международными договорами или соглашениями, особенно когда существует очевидная неопределенность в опре-

делении международных стандартов. практика разных стран также демонстрирует разнообразие. Поэтому, учитывая важную ценность данных для национальной безопасности, цифровой экономики, а также личных прав и интересов, в этой статье рассматриваются способы экстерриториальной защиты трансграничных данных с различных точек зрения.

Abstract: *In the era of globalization, the virtuality of the online world and the rapid proliferation of intangible data attributes have blurred the regional character of the law, fundamentally weakening the principle of sovereignty. The spread of digital technologies, especially the development of cloud computing, has further exacerbated the blurring of geographic attributes due to the separation of data sources and storage locations, as well as jurisdiction and governance caused by the separation of controllers and data owners. issues of interrelated rights. These phenomena complicate the problem of extraterritorial jurisdiction. However, conventionally speaking, extraterritorial jurisdiction, as the right of sovereign states to apply domestic legal rules outside their jurisdiction, is still not clearly regulated by international treaties or agreements, especially when there is obvious uncertainty in the definition of international standards. The practices of different countries also show diversity. Therefore, given the important value of data for national security, the digital economy, and individual rights and interests, this article examines ways to extraterritorially protect cross-border data from different perspectives.*

Ключевые слова: юрисдикционные проблемы, цифровой суверенитет, трансграничное управление.

Keywords: *jurisdictional challenges, digital sovereignty, cross-border governance.*

Расширение законодательства и юрисдикции об экстерриториальных данных в соответствии с мировой юридической практикой

В эпоху цифровых технологий виртуальность онлайн-мира и неосязаемость данных размыли территориальные рамки «внутри» и «снаружи», еще больше ослабив традиционный принцип суверенитета. С широким применением цифровых технологий, таких как облачные вычисления, географические атрибуты между источником и местом хранения данных постепенно разделяются, что приводит к разделению между контроллерами данных и владельцами, что приводит к возникновению сложных юрисдикций и смешанных прав управления. 2012). Распространение облачных вычислений усугубило эту проблему, еще больше усложнив экстерритори-

альную юрисдикцию. На этом фоне развитие цифровой эпохи поставило перед экстерриториальной юрисдикцией новые проблемы. Как отметила ученый Джули Э. Коэн, прогресс цифровизации привел к определенной степени разделения географических атрибутов между источником и хранилищем данных. Эта тенденция сделала проблему экстерриториальной юрисдикции более сложной и вызвала больше трансграничных юридических и управленческих проблем. В то же время одной из характеристик цифровой эпохи является разделение между контролерами и владельцами данных, что усложняет отношения между юрисдикцией и правами управления и требует более тонких юридических и управленческих соображений. Однако, как подчеркнула Дана Бойд в своем исследовании, хотя развитие цифровой эпохи принесло новые проблемы экстерриториальной юрисдикции, в настоящее время экстерриториальная юрисдикция как право суверенных государств применять свои собственные правовые нормы к вопросам, находящимся за пределами их юрисдикции, сохраняется. четкого соответствия международным договорам или соглашениям (Boyd, 2014). Практика разных стран отличается разнообразием, особенно в плане определения «экстерриториальных» стандартов, а по международным правилам нет четкого консенсуса.

В наш бурный цифровой век экстерриториальные правовые и управленческие модели должны быть более гибкими и инновационными. Международному сообществу еще предстоит договориться о конкретных нормах экстерриториальной юрисдикции, что еще больше усложняет правовую основу транснациональной цифровой сферы. Поэтому, столкнувшись с этой сложной ситуацией, международное сообщество нуждается в более глубоком сотрудничестве для содействия формулированию международных правил об экстерриториальной юрисдикции, чтобы лучше адаптироваться к вызовам цифровой эпохи. Это может включать разработку новых международных соглашений, усиление синергии между международными организациями и поощрение стран к большему учету потребностей глобального управления во внутреннем законодательстве.

В целом, расширение законодательства и юрисдикции об экстерриториальных данных в рамках глобальной юридической практики сталкивается с огромными проблемами, но оно также предоставляет странам

возможности побудить международное сообщество к более тесному сотрудничеству для совместного реагирования на правовые и управленческие проблемы в эпоху цифровых технологий.

Ограничение экстерриториальной юрисдикции правоохранительных органов в отношении данных согласно мировой юридической практике

В нынешнем контексте цифровизации управление трансграничными данными сталкивается с новыми проблемами. Развитие цифровых технологий усугубило проблемы, вызванные разделением источников данных и мест хранения. В этом контексте страны ищут экстерриториальные способы защиты трансграничных данных с точки зрения внутреннего законодательства. Как подчеркнул ученый Тим Ву, для решения проблем цифровых технологий многие страны, в том числе Европейский Союз, Китай и Япония, последовательно приняли законы о защите данных, используя одностороннее расширение экстерриториальной юрисдикции в отношении данных в качестве основного средства борьбы с этими проблемами (Wu, 2010). Эти правовые рамки не только подчеркивают защиту данных внутри страны, но также фокусируются на трансграничных потоках данных, отражая общую обеспокоенность международного сообщества по поводу экстерриториальной правоохранительной юрисдикции в эпоху цифровых технологий. Быстрое развитие цифровизации сделало проблему экстерриториальной правоохранительной юрисдикции более сложной, затрагивая многоуровневые и многомерные проблемы в управлении данными между странами. Активные усилия различных стран во внутреннем законодательстве не только отражают адаптируемость правовой системы к цифровой эпохе, но и подчеркивают признание острой необходимости в трансграничной защите данных.

Однако стоит отметить, что это одностороннее расширение внутреннего законодательства также вызвало ряд международных правовых и управленческих проблем. Поскольку страны принимают различные меры регулирования, стандарты экстерриториальной правоохранительной юрисдикции еще не были четко унифицированы на международ-

ном уровне. В этом контексте международному сообществу необходимо более тесно сотрудничать, чтобы способствовать созданию более скоординированного механизма управления трансграничными данными, чтобы сбалансировать осуществление экстерриториальных прав правоохранительных органов и открытость, необходимую для глобальной цифровизации. Подводя итог, можно сказать, что ограничение экстерриториальной юрисдикции по обеспечению соблюдения данных в соответствии с мировой юридической практикой не только отражает активные усилия различных стран во внутреннем законодательстве, но также подчеркивает актуальность понимания проблем трансграничного управления данными. Однако, чтобы лучше реагировать на вызовы цифровой эпохи, международному сообществу необходимо работать вместе, чтобы способствовать эффективному осуществлению экстерриториальных прав правоохранительных органов и обеспечить стабильность и упорядоченное развитие глобального цифрового пространства.

Разумное установление границ экстерриториальной юрисдикции Китая в соответствии с балансом интересов

В мировой юридической практике Китай, как страна со значительным глобальным влиянием, сталкивается с вопросом, как найти разумный баланс в рамках экстерриториальной юрисдикции над данными, одновременно защищая внутренние интересы. В этом контексте правовая система и судебная практика Китая не только должны уделять внимание внутренней безопасности, устойчивому развитию цифровой экономики и защите личных прав и интересов, но также должны гибко адаптироваться к новой модели глобальных потоков данных.

Как подчеркивают некоторые ученые, ограничения и разумное регулирование экстерриториальной правоохранительной юрисдикции являются залогом обеспечения баланса прав и интересов. Китаю, возможно, придется принять дополнительные разъяснения правил, чтобы гарантировать, что он не только защищает внутренние интересы, но и способствует международному сотрудничеству в контексте трансграничных потоков данных. Это включает в себя создание механизмов сотрудничества с дру-

гими странами для совместной разработки норм для эффективного управления законным потоком трансграничных данных.

В целях содействия разумному установлению экстерриториальной юрисдикции над данными Китай может также активно участвовать в многостороннем сотрудничестве на международном уровне. Это может включать в себя разработку международных правил для уточнения границ экстерриториальных прав на защиту данных между странами в эпоху цифровых технологий. Ожидается, что, активно участвуя в международных консультациях, Китай будет способствовать созданию более справедливого и сбалансированного глобального механизма управления данными, чтобы гарантировать, что страны смогут лучше сбалансировать внутренние потребности и международное сотрудничество в юридической практике в эпоху цифровых технологий. В то время как Китай реагирует на юридические проблемы в эпоху цифровых технологий, он также предоставляет модель глобального управления данными. Ожидается, что, взвешивая внутренние и международные интересы, формулируя четкие правила и активно участвуя в международном сотрудничестве, Китай подаст пример построения открытой, инклюзивной, безопасной и упорядоченной системы глобального управления в цифровую эпоху. Такие усилия не только помогают защитить цифровой суверенитет страны, но также помогают построить позитивную модель глобального цифрового управления и обеспечивают эффективный ориентир для устойчивого развития стран в эпоху цифровых технологий.

В мировой юридической практике вопрос баланса интересов при расширении и ограничении экстерриториальной юрисдикции данных представляет собой сложные и богатые задачи. С быстрым развитием цифровой эпохи виртуальность онлайн-мира и нематериальные атрибуты данных сделали традиционную правовую основу двусмысленной в сфере трансграничного управления данными. В глобальном масштабе перед странами и международным сообществом стоит сложная задача: как продвигать глобальные потоки данных и защищать права личности, одновременно защищая внутренние интересы. В этом контексте расширение законодательства и юрисдикции об экстерриториальных данных в рамках мировой юридической практики демонстрирует ответ на вызовы цифровой эпохи. В то же время развитие цифровых технологий также усложнило экстерри-

ториальную юрисдикцию. Однако четкие международные стандарты еще не сформированы, а практика различных стран различается, что еще больше подчеркивает сложность вопросов экстерриториальной юрисдикции.

Заключение

Ограничение экстерриториальной юрисдикции правоохранительных органов вызвало широкую обеспокоенность в международном сообществе. Однако это также вызвало ряд международных правовых и управленческих проблем, требующих более тесного сотрудничества со стороны международного сообщества для совместного содействия созданию скоординированного механизма управления трансграничными данными. В контексте Китая как страны с глобальным влиянием особенно важно разумное установление экстерриториальной юрисдикции в отношении данных в соответствии с балансом интересов. Китаю необходимо не только уделять внимание балансу внутренней безопасности, цифровой экономики, личных прав и интересов, но также необходимо активно участвовать в международном сотрудничестве и продвигать справедливость и баланс в глобальном управлении данными. Уточняя правила и создавая механизмы сотрудничества, Китай преподал уроки глобального цифрового управления, одновременно защищая цифровой суверенитет. Подводя итог, можно сказать, что в соответствии с мировой юридической практикой экстерриториальная юрисдикция в отношении данных расширяется и ограничивается, и странам необходимо работать вместе, чтобы способствовать координации и сотрудничеству в глобальном управлении данными. Только совместными усилиями международного сообщества мы сможем лучше справиться с проблемами, возникающими в сфере права и управления в эпоху цифровых технологий, и обеспечить стабильность и упорядоченное развитие цифрового пространства.

Список литературы

1. Бойд, Д. (2014). «Это сложно: социальная жизнь сетевых подростков». Издательство Йельского университета.

2. Коэн, Дж. Э. (2012). «Настройка сетевого «я»: закон, кодекс и повседневная практика». Издательство Йельского университета.
3. Kerr, OS (2009). «Закон об интернет-наблюдении после Патриотического закона США: «Большой брат, которого нет». *Harvard Law Review*, 98(3), 666–701.
4. Слотер, АМ (2004). «Новый мировой порядок». Издательство Принстонского университета.
5. Ву, Т. (2010). «Главный переключатель: взлет и падение информационных империй». Винтаж.
6. Зубофф, С. (2019). «Эпоха надзорного капитализма: борьба за будущее человечества на новом рубеже власти». *Общественные дела*.

УДК 341.01

Краткий анализ использования положений о корпоративной социальной ответственности в международных инвестиционных соглашениях

Янь Юньфэн

бакалавр Сычуаньского университета иностранных языков (Китай)

Аннотация: В начале XXI века мировое сообщество все больше осознает, что достижение социальной справедливости является ключевым условием обеспечения того, чтобы международный правопорядок был справедливым, инклюзивным и устойчивым. Это признание достигло своего пика в 2006 году, когда международная инвестиционная сфера официально обратила внимание на социальные проблемы, вызванные инвестиционной деятельностью. В то время представительным стало Модельное международное инвестиционное соглашение по устойчивому развитию, разработанное Международным институтом устойчивого развития, положившее начало включению положений корпоративной социальной ответственности в некоторые международные инвестиционные соглашения (МИС) и введению международно признанных корпоративных соглашений, стандарты, руководящие принципы и принципы социальной ответственности (совместно именуемые «Нормы»). С тех пор развитие МИС постепенно включило в свои рамки корпоративную социальную ответственность, а призыв к иностранным инвесторам вести бизнес ответственно стал очевидной тенденцией. Значение этой статьи состоит в том, чтобы глубоко изучить влияние

этой тенденции на реализацию глобальной социальной справедливости и международного правопорядка. Анализируя дилеммы применения, подходы и механизмы применения корпоративной социальной ответственности, мы стремимся решить проблемы, которые могут возникнуть на практике, и предоставить предложения по улучшению для повышения существенной эффективности этих положений. В этой статье будет разъяснена важность корпоративной социальной ответственности и предоставлены рекомендации по формулированию и реализации будущих международных инвестиционных соглашений, чтобы сделать их более оперативными и эффективными. Благодаря углубленному исследованию эта статья предоставит международному сообществу более полную и оперативную основу, будет способствовать более эффективной и устойчивой реализации корпоративной социальной ответственности в области международных инвестиций, а также будет способствовать развитию глобального общества на более справедливой основе. и устойчивое направление.

Abstract: *At the beginning of the twenty-first century, the global community increasingly recognized that achieving social justice is key to ensuring that the international legal order is fair, inclusive, and sustainable. This recognition peaked in 2006, when the international investment field formally drew attention to the social problems caused by investment activities. At that time, the Model International Investment Agreement on Sustainable Development, developed by the International Institute for Sustainable Development, became representative, initiating the inclusion of corporate social responsibility provisions in some international investment agreements (IIAs) and the introduction of internationally recognized corporate agreements. standards, guidelines and principles of social responsibility (collectively referred to as “the Norms”). Since then, the development of IIAs has gradually incorporated corporate social responsibility into its framework, and the call for foreign investors to do business responsibly has become an obvious trend. The significance of this article is in the attempt to deeply explore the impact of this trend on the realization of global social justice and international rule of law. By analyzing the application dilemmas, approaches, and application mechanisms of corporate social responsibility, the authors aim to address the problems that may arise in practice and provide suggestions for improvement to enhance the substantive effectiveness of these provisions. This article will explain the importance of corporate social responsibility and provide recommendations for the formulation and implementation of future international investment agreements to make them more responsive and effective. Through in-depth research, this article will provide the international community with a completer and more operational framework, contribute to a more effective and sustainable implementation of corporate social responsibility in international investment, and contribute to the development of a more equitable global society with sustainable direction.*

Ключевые слова: *международные инвестиционные соглашения, корпоративная социальная ответственность, обязательства инвестора, урегулирование споров между инвестором и государством, обратный инвестиционный арбитраж.*

Keywords: international investment agreements, corporate social responsibility, investor obligations, investor-state dispute settlement, reverse investment arbitration.

Подробный обзор положений международных инвестиционных соглашений о корпоративной социальной ответственности

Международное сообщество постепенно осознало, что реализация глобальной социальной справедливости имеет решающее значение для обеспечения справедливого, инклюзивного и устойчивого международного правового порядка. Это понимание четко отразилось в сфере международных инвестиций, особенно в 2006 году, когда «Типовое международное инвестиционное соглашение по устойчивому развитию», разработанное Международным институтом устойчивого развития, стало символом, определяющим тенденции. Введение положений о корпоративной социальной ответственности (КСО) в эту часть международных инвестиционных соглашений (МИС) призвано побудить иностранных инвесторов выполнять свои социальные обязанности, обеспечить соответствие их деловой деятельности международным стандартам социальной ответственности и способствовать устойчивости инвестиционной деятельности и общее благосостояние общества, что привело к положительному эффекту.

ЮНКТАД (2007) в своей книге «Международные инвестиционные соглашения: ключевые вопросы» четко указала, что интеграция положений о корпоративной социальной ответственности направлена на то, чтобы помочь иностранным инвесторам взять на себя социальную ответственность в своей деловой деятельности, чтобы гарантировать, что их поведение соответствует глобальным стандартам социальной ответственности. Настоящее руководство направлено на достижение устойчивости инвестиционной деятельности и содействие общему благосостоянию общества. Кроме того, Шройер (2009) представляет подробный обзор эволюции международных инвестиционных соглашений в своей монографии «Конвенция МЦУИС: комментарий». Он особо подчеркнул ключевую роль, которую инвестиционные договоры играют в продвижении корпо-

ративной социальной ответственности, обеспечении правовой и институциональной поддержки для реализации глобальной социальной справедливости.

Этот процесс эволюции и внедрения положений о КСО показывает, что развитие международных инвестиционных соглашений ориентировано не только на получение экономической выгоды, но и на обеспечение положительного влияния инвестиционной деятельности на общество. Эта тенденция отражает необходимость более ответственного и устойчивого инвестиционного поведения, а также отмечает положительную реакцию международного правопорядка на стремление к глобальной социальной справедливости.

Углубленный анализ дилеммы применения положений международных инвестиционных соглашений о корпоративной социальной ответственности

Сосредоточив внимание на постепенной интеграции положений корпоративной социальной ответственности (КСО) в международные инвестиционные соглашения (МИС), Сорнараджа (2010) предложил в своей авторитетной книге «Международное право иностранных инвестиций» сложную дилемму, с которой сталкивается применение этой тенденции. Глубокое понимание. Хотя введение положений о КСО считается положительным шагом, на практике оно сталкивается с рядом проблем, наиболее важными из которых являются расплывчатость положений и отсутствие механизмов обеспечения соблюдения.

В частности, расплывчатые термины дают возможность для интерпретации иностранными инвесторами и принимающими странами, что делает неясным суть выполнения корпоративных социальных обязанностей. Эта двусмысленность может привести к двусмысленности определения ответственности, тем самым подрывая эффективность этих положений. Точка зрения Сорнараджи подчеркивает, что в практике КСО конкретное формулирование терминов должно быть более ясным и конкретным, чтобы установить четкий консенсус между всеми сторонами.

Кроме того, Пак (2013) в своей книге «Международное инвестиционное право и арбитраж: комментарии, арбитражные решения и другие

материалы» дополнительно подчеркнул ключевой вопрос: эти положения об ответственности могут быть лишь формальными обязательствами, а не материальной ответственностью. Он отметил, что в отсутствие механизма обеспечения исполнения эти положения могут быть лишь символическими обязательствами и не смогут достичь на практике первоначально запланированных результатов. Это означает, что, хотя корпоративная социальная ответственность прямо предусмотрена в соглашении, на самом деле может отсутствовать эффективный контроль и механизмы ограничения, что не позволяет гарантировать, что инвесторы действительно выполняют свои социальные обязательства.

Подводя итог, можно сказать, что глубокая проблема дилеммы применения заключается в том, как установить в соглашении четкие и работоспособные положения о корпоративной социальной ответственности и обеспечить эффективную реализацию этих положений на практике, чтобы они не только стали поверхностными обязательствами, но и может направлять инвестиции, выполнять существенные социальные обязательства. Это требует глубокого размышления о том, как укрепить нормативную базу соглашения, уточнить ответственных сторон и создать эффективный механизм разрешения споров для решения различных проблем, которые могут возникнуть в результате дилемм применения.

Исследование по углубленному применению положений корпоративной социальной ответственности в международных инвестиционных соглашениях

Что касается применения положений корпоративной социальной ответственности (КСО), Галлахер (2012) предложил ряд углубленных подходов к применению в своей монографии «Развитие и влияние инвестиционных договоров». Суть этих подходов заключается в усилении применения корпоративной социальной ответственности и повышении ее оперативности и эффективности на практике. Во-первых, он выступает за четкое определение объема ответственности, чтобы содержание КСО представляло собой не просто расплывчатое обязательство, а конкретное и четкое обязательство. Ключом к этому шагу является обеспечение того,

чтобы все участвующие стороны имели единое понимание ожиданий КСО и избегали двусмысленностей в интерпретации.

Во-вторых, Галлахер подчеркнул важность создания механизма регулирования, обеспечивающего, чтобы применение корпоративной социальной ответственности было не только формальным, но и эффективно контролировалось на практике. При создании механизма регулирования необходимо всесторонне учитывать международную и внутреннюю нормативную базу и гарантировать, что она достаточна для того, чтобы побудить компании выполнять свои социальные обязательства. Такие механизмы регулирования должны разрабатываться гибко, чтобы адаптироваться к особым обстоятельствам различных стран и отраслей.

Кроме того, Галлахер особо подчеркнул важность консультаций и сотрудничества между принимающими странами и инвесторами. Он считает, что успешная реализация корпоративной социальной ответственности требует активного взаимодействия и сотрудничества всех сторон. Создав механизм постоянного диалога, принимающие страны и инвесторы смогут обсуждать передовой опыт, разрешать потенциальные споры и работать вместе над продвижением устойчивой деловой активности. Такой применимый подход к консультациям и сотрудничеству помогает сформировать весьма осуществимый и основанный на широком участии механизм корпоративной социальной ответственности в реальных операциях.

Кроме того, Дольцер и Шройер (2012) предоставили теоретическую поддержку созданию эффективной системы корпоративной социальной ответственности в «Принципах международного инвестиционного права». Их взгляды подчеркивают необходимость создания систематического и последовательного набора принципов корпоративной социальной ответственности, основанных на международном инвестиционном праве, чтобы обеспечить четкую правовую основу и оперативное руководство. Эта теоретическая поддержка обеспечивает правовую основу и нормативную основу для формулирования и реализации корпоративной социальной ответственности.

Предложение этих углубленных и применимых подходов дает нам полезную информацию для понимания многоуровневых мер, которые необходимо принять для обеспечения реального выполнения корпоративной

социальной ответственности. Расширение сферы ответственности, создание механизмов регулирования, а также содействие консультациям и сотрудничеству — все это ключевые элементы содействия применению корпоративной социальной ответственности. Комплексное применение этих подходов может помочь смягчить проблемы, вызванные дилеммой применения, и сделать корпоративную социальную ответственность действительно эффективным механизмом в международных инвестиционных соглашениях.

Исследование механизма углубленного применения положений корпоративной социальной ответственности международных инвестиционных соглашений

Что касается действующего механизма корпоративной социальной ответственности (КСО), Шилл (2015) в своей книге «Многосторонность международного инвестиционного права» обсудил важность создания эффективного механизма разрешения споров, особенно при разрешении споров, связанных с КСО. Он подчеркнул ключевую роль механизмов разрешения споров в содействии применению корпоративной социальной ответственности. Создание четкого и эффективного механизма разрешения споров может стать эффективным способом разрешения споров между инвесторами и принимающими странами, обеспечивая тем самым существенное выполнение корпоративных социальных обязанностей. При создании этого механизма необходимо учитывать как беспристрастность, так и гибкость, позволяющую адаптироваться к особым ситуациям в различных странах и отраслях, тем самым обеспечивая справедливые решения для всех участвующих сторон.

Кроме того, Ван Хартен (2012) обратил внимание на обратный инвестиционный арбитраж как важный механизм разрешения споров между инвесторами и принимающими странами в работе «Суверенный выбор и суверенные ограничения: судебные ограничения в арбитраже по инвестиционным договорам». Обратный инвестиционный арбитраж имеет особое значение при решении вопросов корпоративной социальной ответственности, поскольку он предоставляет возможность инвесторам

также столкнуться с претензиями со стороны принимающего государства. Внедрение этого механизма может побудить инвесторов более тщательно учитывать влияние их деловой практики на общество, поскольку они также могут стать сторонами урегулирования споров. Это создает потенциальные институциональные ограничения для эффективного продвижения корпоративной социальной ответственности, тем самым побуждая все стороны действовать более ответственно в деловой деятельности.

Углубленное исследование применимых механизмов должно быть сосредоточено не только на эффективности и справедливости разрешения споров, но и на том, как четко определить соответствующие положения в соглашениях, чтобы существовала четкая правовая основа для урегулирования споров. Эффективный применимый механизм должен стимулировать все стороны к сотрудничеству и переговорам при разрешении споров и способствовать более комплексной и устойчивой практике корпоративной социальной ответственности. На практике гибкость и адаптируемость этих механизмов будут иметь ключевое значение для обеспечения того, чтобы КСО достигла существенных результатов в МИС.

Заключение

В начале 21 века, когда осведомленность мирового сообщества о реализации социальной справедливости продолжала расти, в 2006 году международное инвестиционное сообщество официально обратило внимание на социальные проблемы, вызванные инвестиционной деятельностью, что ознаменовало введение корпоративной социальной ответственности (КСО) в международные инвестиционные соглашения. Благодаря «Типовому международному инвестиционному соглашению по устойчивому развитию», разработанному Международным институтом устойчивого развития, некоторые международные инвестиционные соглашения (МИС) начали включать положения о КСО, вводить международно признанные стандарты ответственности и призывать иностранных инвесторов вести деловую деятельность ответственно. тенденция.

Целью данной статьи является глубокое изучение влияния этой тенденции на реализацию глобальной социальной справедливости и ме-

ждународного правопорядка. Внедрение корпоративной социальной ответственности не только подчеркивает экономические выгоды, но и ориентирует на обеспечение положительного влияния инвестиционной деятельности на общество. Подробно разбирая положения КСО, анализируя дилеммы приложений и изучая подходы и механизмы приложений, мы обнаружили ряд проблем и сложностей. Дилемма применения связана с расплывчатыми конкретными формулировками положений КСО и отсутствием обязательных механизмов обеспечения исполнения. Необходимо уточнить обязательства в соглашении, установить механизм регулирования и подчеркнуть важность консультаций и сотрудничества. Применимые подходы включают расширение сферы ответственности, создание механизмов надзора и содействие консультациям и сотрудничеству, чтобы сделать КСО более оперативной и эффективной на практике. Наконец, углубленное исследование применимых механизмов охватывает такие важные вопросы, как создание эффективного механизма разрешения споров и сосредоточение внимания на обратном инвестиционном арбитраже. В дальнейшем, чтобы обеспечить предметное выполнение корпоративных социальных обязательств, нам необходимо совместно укреплять нормативную базу соглашения, уточнять ответственных сторон, создавать эффективный механизм разрешения споров, а также продвигать устойчивую деловую деятельность посредством консультаций и сотрудничество. Это не только помогает способствовать развитию глобального общества в более справедливом и устойчивом направлении, но также дает полезный опыт и вдохновение для формулирования и реализации будущих международных инвестиционных соглашений. Благодаря углубленному исследованию эта статья предоставляет международному сообществу более полную и оперативную основу для содействия более эффективному и устойчивому внедрению корпоративной социальной ответственности в области международных инвестиций.

Список литературы

1. Дольцер Р. и Шройер К. (2012). «Принципы международного инвестиционного права», Oxford University Press.

2. Галлахер, Д.П. (2012). «Развитие и влияние инвестиционных договоров», Oxford University Press.
3. Парк, УС (2013). «Международное инвестиционное право и арбитраж: комментарии, награды и другие материалы», издательство Edward Elgar Publishing.
4. Шилль, SW (2015). «Многосторонность международного инвестиционного права», издательство Кембриджского университета.
5. Шройер, К. (2009). «Конвенция МЦУИС: комментарий», Издательство Кембриджского университета.
6. Сорнараджа, М. (2010). «Международное право иностранных инвестиций», издательство Кембриджского университета.
7. ЮНКТАД. (2007). «Международные инвестиционные соглашения: ключевые вопросы», Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию.
8. Ван Хартен, Г. (2012). «Суверенный выбор и суверенные ограничения: судебные ограничения в арбитраже по инвестиционным договорам», Oxford University Press.

УДК 34

Правовые тенденции в деле обеспечения экономической безопасности на современном этапе

Гущина Наталья Геннадьевна

студентка направления «Юриспруденция» Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

***Аннотация:** В статье рассмотрено распространение цифровой экономики создает как новые вызовы, так и уникальные условия для повышения эффективности стандартных элементов обеспечения правовой безопасности государства. В Российской Федерации цифровая экономика уже стала реальностью, однако на пути к повсеместной цифровизации предстоит преодолеть еще много проблем.*

***Abstract:** The article considers the spread of digital economy. It creates both new challenges and unique conditions for increasing the effectiveness of standard elements of ensuring legal*

security of the state. The digital economy has already become a reality in the Russian Federation, but there are still many challenges to overcome on the way to widespread digitalization.

Ключевые слова: экономическая безопасность РФ, нормативно-правовая база, правовое обеспечение, национальная безопасность.

Keywords: economic security of the Russian Federation, regulatory framework, legal support, national security.

На современном этапе развития вопросы, связанные с обеспечением в РФ экономической безопасности выходят на первый план. На этом неоднократно было акцентировано внимание в научной и юридической литературе. В свою очередь, государство, указав на то, что объективной необходимостью сегодня является формирование рыночной инфраструктуры, в том числе, аудит или, например, страхование, не уделяет данной сфере должного внимания, что едва ли можно оценить с положительной точки зрения. В связи с этим, в рамках всей системы экономической безопасности, в том числе, на региональном уровне, стоит предусмотреть меры, которые будут непосредственно направлены на то, чтобы максимально ускорить формирование реально действующей рыночной инфраструктуры, причем такой, которая бы обеспечивала прозрачность, равно как надежность всей предпринимательской деятельности. Полагаем, что на этом фоне в законодательстве стоит предусмотреть следующие аспекты [4]:

Во-первых, это свободный доступ населения к сведениям, относительно санкций, которые применяются к юридическим лицам за совершение разного рода правонарушений, например, нарушений налогового законодательства. Во-вторых, это наличие обязательной публикации информации о юридических лицах, которые являются нарушителями, в том числе, если в качестве таковых выступили коммерческие организации, осуществляющие свою деятельность на условиях публичного предложения. Стоит отметить, что действия такого рода уже предпринимались Центральным Банком РФ, а данные были опубликованы относительно тех юридических лиц, которые по определенным причинам были лишены своих лицензий на осуществление текущей деятельности. В то же время нельзя говорить о том, что данных мер достаточно, так как объективной необходимостью

является проработка на законодательном уровне возможности в области распространения данных относительно судимости лиц, занятых в этой сфере, что необходимо для минимизации рисков.

Представляется, что в своей совокупности меры подобного рода в полной мере позволят говорить об успешном функционировании на территории РФ механизма общественного контроля, который в полной мере обеспечил как законность, так и прозрачность текущей деятельности всех субъектов предпринимательской деятельности. Одновременно с этим, для обеспечения не только единства, но и целостности всей правовой базы для деятельности всех предпринимательских структур, стоит подготовить и впоследствии принять единый и эффективный федеральный закон, регламентирующий особенности деятельности субъектов малого предпринимательства. Полагаем, что в данном федеральном законе необходимо аккумулировать имеющиеся, а также новые нормативно-правовые акты, действующие в указанной сфере, а также внедрить и новые нормы, которые бы урегулировали широкую совокупность вопросов. В частности, некоторые налоговые, контрольные и финансовые аспекты, аспекты непосредственно связанные с обеспечением экономической безопасности. Также в указанном аспекте необходимо особое внимание уделить развитию в РФ единой системы по государственной регистрации предприятий в целях исключения множества мошеннических схем, дробления бизнеса, посредников и иных негативных явлений [1]. Стоит отметить, что соответствующие тематические реестры на территории нашей страны сегодня отсутствуют, но оценить это с положительной точки зрения нельзя, так как данная ситуация не позволяет вести эффективную работу в данной сфере и вести списки субъектов, которые нарушают действующее законодательство: в частности, уклоняются от уплаты налогов и сборов, ликвидируются с целью нарушения действующего законодательства и совершают иные правонарушения. Особой значимостью в этом аспекте обладает и планомерное совершенствование регламентации в области обеспечения на региональном уровне экономической безопасности. Ее обеспечение в практической деятельности представляется возможным только на основе безболезненного соединения интересов федерализма и местной экономики. В то же время, для достижения указанной цели необходимо видится максимальное разделение действий, ресурсов и ответ-

ственности, которые в полной мере сопровождают процесс, направленный на обеспечение в Российской Федерации экономической безопасности, в том числе, применительно к предпринимательской сфере. Стоит отметить, что в указанном случае речь идет именно о признании того, что каждый регион, включая в нем сравнительно небольшие населенные пункты, при всей имеющейся у него специфики должен иметь область самостоятельного регулирования различных отношений, равно как на самостоятельной основе принимать решения, в том числе, с учетом всех имеющихся у него ресурсов. Нельзя не учитывать и то, что все регионы должны быть равны в своих правах и осуществлять свою текущую деятельность регулирующего характера. Запрещение ведения деятельности такого рода едва ли представляется возможным, за исключением тех случаев, которые прямо предусмотрены действующим законодательством [2].

Также для каждого уровня территориальной организации общества в качестве объективной необходимости усматривается четко определение и законодательное закрепление сфер, которые были указаны выше, равно как степень распределения ответственности. Все органы исполнительной, а также представительной власти должны в полной мере нести ответственность такого рода и осуществлять данную деятельность в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Правовая регламентация обеспечения экономической безопасности также должна предусматривать наличие взаимных гарантий. Полагаем, что речь в этом случае идет о правовых гарантиях того, что экономические, социальные или, например, национально-этические ценности не будут подвержены какому-либо разрушению в рамках деятельности тех или иных хозяйствующих субъектов. Более того, значимость данных ценностей предопределена тем, что они смогут не только сохраниться, но и должным образом развиваться, но лишь при условии, что имеет место корректное отношение к ним властных образований. Как следствие, стоит оградить любое вмешательство в текущую деятельность хозяйствующего субъекта территориальных властных органов, что относится к тем случаям, когда такое вмешательство выходит за пределы компетенции властного образования. Очевидно, что необходимостью сегодня является законодательное закрепление проведения различного рода институциональных

преобразований, направленных на эффективную координацию деятельности властных образований, в том числе, в области обеспечения на территории страны экономической безопасности [5].

Системный анализ практики текущей деятельности всех существующих систем национальной безопасности показывает, что нормативная основа этой деятельности нуждается в кардинальных преобразованиях. В частности, стоит уточнить определенные термины и понятия, например, понятие «экономические интересы» и «экономическая безопасность», «система экономической безопасности», «система обеспечения экономической безопасности», «органы и средства обеспечения экономической безопасности». Кроме того, стоит разработать системный подход разработки и практической реализации федеральных целевых программ в данной сфере. Во многом это предложение связано с тем, что сегодня такие программы принимаются весьма децентрализованно, между ними нет какой-либо взаимосвязи, наличие которой усматривается в качестве объективной необходимости. Данные программы не обладают необходимой для них адаптивностью и гибкостью, что также едва ли можно оценить с положительной точки зрения [2]. В связи с этим, предлагается сформировать целевые программы, которые будут во многом ориентированы на обеспечение практической реализации стратегии экономической безопасности на территории нашей страны и выступят как основа для консолидации. Таким образом, предлагается усовершенствовать действующую нормативно-правовую базу в рассмотренной сфере для формирования в стране инновационной, равно как современной экономики, гражданского общества, развития экономической безопасности. Стоит отметить, что на законодательном уровне необходимо закрепить основные уровни экономической безопасности. Совершенствование нормативной базы предлагается осуществлять таким образом, чтобы она была понятна среднестатистическому представителю малого и среднего бизнеса.

Список литературы

1. Ахмадишин, Л. Р. Соотношение государственной экономической безопасности и экономической безопасности регионов России // Экономика и предпринимательство.— 2023.— № 12(161). — С. 116–119.

2. Василенко, О. А. Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность.— 2020. — Т. 16.— № 1(382). — С. 60–79.
3. Караваева, И. В. Экономическая безопасность: технологический суверенитет в системе экономической безопасности в современной России // Экономическая безопасность.— 2023. — Т. 6.— № 3. — С. 905–924.
4. Миронова, И. Б. Система экономической безопасности территорий опережающего развития и оценка результативного воздействия на уровень экономической безопасности регионов // Инновационное развитие экономики.— 2021.— № 2–3(62–63). — С. 368–372.
5. Тюгин, М. А. Финансовая безопасность в системе экономической безопасности экономического субъекта // Известия Института систем управления СГЭУ.— 2019.— № 1(19). — С. 163–166.

УДК 34

Методика прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства

Геращенко Софья Алексеевна

магистрант Тихоокеанского государственного университета

***Аннотация:** Автором работы поставлена цель определения методики прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства в российской федерации, ввиду этой цели анализируются понятия методики и тактики, а также методики и тактики прокурорского надзора и их взаимосвязь.*

***Abstract:** The author of the work sets the goal of determining the methodology of prosecutor's supervision over the execution of labor legislation in the Russian Federation. In view of this goal the concepts of methodology and tactics in general, as well as methodology and tactics of prosecutor's supervision and their interrelation are analyzed.*

***Ключевые слова:** методика, тактика, методика прокурорского надзора, тактика прокурорского надзора, методика прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства.*

Keywords: *methodology, tactics, methods of prosecutorial supervision, tactics of prosecutorial supervision, methods of prosecutorial supervision over the implementation of labor legislation.*

Прежде чем рассматривать методику прокурорского надзора (далее — мпн), необходимо определиться с базовым понятием методики.

Толковый словарь С. И. Ожегова дает понятию методики два определения:

1. Наука о методах преподавания;
2. Совокупность методов обучения чему-нибудь, практического выполнения чего-нибудь [8].

Новая философская энциклопедия дает определение методики, как фиксированной совокупности приемов практической деятельности, которая приводит к заранее конкретному результату.

Социологический словарь дает следующее определение методики (от греч. Methodike — совокупность методов) — англ. Te-thodics; нем. Methodik. — совокупность методов и приемов выполнения какой-либо деятельности.

Большой словарь иностранных слов русского языка определяет понятие методики в следующих аспектах:

1. совокупность способов целесообразного проведения какой-либо работы;
2. отдел педагогики, излагающий правила, методы преподавания.

Термин «методика» неразрывно связан с таким понятием, как «тактика». Понятие «тактика» имеет греческое происхождение. Впервые рассматриваемое понятие стало использоваться в области военного дела, и под ним понималось «искусство подготовки и ведения боя».

Применительно к определению тактики (греч. Taktike) в различных словарях встречается следующая его трактовка: «совокупность средств и приемов для достижения конкретной поставленной цели».

в толково-фразеологическом словаре под «тактикой» понимается искусство располагать своими силами (действовать).

В рамках организации и последующей реализации надзорной (далее — нд) и иной деятельности перед прокурором, вне зависимости от его звена, ставятся следующие основные задачи: какому из существующего перечня

различных вопросов, требующих решения, отдать наибольшее предпочтение; что важнее сделать и выполнить сегодня, а что можно оставить на решение в другие дни; что следует выполнить самостоятельно, а что можно делегировать другим сотрудникам прокуратуры; что следует поручить исполнительным органам контроля и иными органам, а что следует реализовать вместе с ними. Для успешного выполнения любого объема работы на максимально высоком качественном уровне, необходимо умение маневрировать всеми имеющимися силами и различными средствами.

Работнику прокуратуры необходимо самостоятельно устанавливать порядок эффективного применения полномочий и правовых средств, предоставленных ему законом, ориентируясь в каждом отдельном случае на каждую отдельную ситуацию. Время от времени работнику прокуратуры приходится решать различные задачи и несколько иного плана, например: каким образом лучше и эффективнее провести прокурорскую проверку; с чего лучше начать проведение прокурорской проверки; в какой последовательности следует произвести действия проверочного характера для того, чтобы выявить полный перечень нарушений закона или законов; определение обстоятельств и виновных лиц. Для достижения поставленных целей и наилучших результатов проверки, работнику прокуратуры приходится решать и следующие вопросы, например: какое правовое средство реагирования необходимо применить в отдельно взятой ситуации; в адрес какого именно органа власти требуется его внести; какие именно вопросы нужно поставить в акте прокурорского реагирования; многие другие. Следовательно, можно говорить о том, что работник прокуратуры должен уметь в каждой отдельной ситуации выбирать наиболее правильную и подходящую тактику своих действий.

Согласно сформулированному в. Б. Коробенийковым определению тактика прокурорского надзора (далее — тпн) представляет собой совокупность приемов и методов применения прокурором каждого из предоставленных ему законом правовых средств [3].

Более подробно существо тпн раскрыто авторами с. Г. Кехлерова и о. С. Капинус. Согласно их мнению, под рассматриваемым понятием следует понимать определение и последующую реализацию работником прокуратуры путей наилучшей организации и осуществления прокурор-

ского надзора (далее — пн) и иной деятельности, учитывая сложившуюся обстановку для достижения наилучших результатов. Стоит отметить, что тпн разделяется на два вида: тактика проверки и тактика прокурорского реагирования [5].

В непосредственной зависимости от стоящих перед прокурором задач, итоговый результат может быть выражен в полном устранении всех выявленных нарушений закона и способствующих им обстоятельств, а помимо этого в снижении в дальнейшем общего числа правовых нарушений, укреплении законности, и т.д.

Тактика определяет общую, но при этом более целесообразную линию поведения деятельности работника прокуратуры, в отдельно взятой ситуации. Эту линию ни в коем случае нельзя назвать постоянной и стабильной. Это обуславливается тем аспектом, что она подлежит изменению в непосредственной зависимости от состояния законности, штатных изменений, а помимо этого постановки совершенно новых задач перед прокуратурой и т.д. Тактика способствует тому, что прокуроры могут выбирать из всего перечня существующих методов, приемов и способов наиболее подходящие и рациональные для каждой отдельно взятой ситуации.

В зависимости от итогового полученного результата представляется возможным судить о правильности или неправильности той или иной выбранной тактики действия работника прокуратуры.

Методика и тактика пн неизменно взаимодополняют и взаимопределяют друг друга, однако, по мнению большинства исследователей это совершенно разные понятия.

По мнению в. П. Рябцева, мпн представляет собой систему теоретических положений, характеризующих задачу, предмет и принципы нд, а помимо этого и ее организации [7].

Методика преимущественно предполагает деятельность работника прокуратуры по выявлению различных правовых нарушений, а помимо этого и определению различных обстоятельств и лиц, способствующих их нарушению. Тактика при этом охватывает всю нд, включая и организацию предстоящей работы и деятельности. Другими словами, содержанием мпн является все то, что работник прокуратуры должен делать (методы и приемы) для выявления, устранения и последующего предупреждения

правовых нарушений законов, а тпн — как он должен это сделать (способы и приемы) для максимального и эффективного достижения целей и поставленных задач нд.

Важно отметить еще одну, раскрывающую сущность рассматриваемых понятий, особенность: «если методика показывает, что должен сделать прокурор (например, изучить законодательство), то тактика подсказывает, как эти действия могут быть выполнены, и выступает регулятором применения правовых средств осуществления общего надзора».

Общая структура мпн определена в.и. шмидтом в виде:

1. Перечень законов, надзор за исполнением которых входит в предмет соответствующего направления прокурорской деятельности;
2. Источники информации, из которых прокурор может подчерпнуть сведения об исполнении законов юридическими и физическими лицами;
3. Носители информации, в которых фиксируются указанные сведения;
4. Правовые методы установления фактов нарушения законов, причин и условий им способствующих;
5. Рекомендации по применению форм прокурорского реагирования на установленные нарушения законов и обстоятельства, способствующие этому [9].

В рамках организации и проведения пн на практике применяются определенные методы. В специализированной литературе тактические приемы, используемые работником прокуратуры, обладают следующей классификацией:

1. Организационные. Данные методы направлены на то, чтобы обеспечить своевременное поступление в соответствующие органы информации, в которой содержатся данные о готовящихся или уже совершенных преступных деяниях, а помимо этого ее быструю обработку и официальную регистрацию. Сюда также включается модернизация и совершенствование планирования предстоящей работы, а помимо этого и рационализация работы представителей надзорного органа.
2. Тактические. Они заключаются в использовании рекомендаций из передового опыта, информации из области логики, психологии с целью принятия решения об обоснованности использования различных методов.

3. Технические. Речь идет об эффективном использовании оргтехники, устройств для фото- и видеосъемки в целях совершенствования нд за исполнением положений законодательства.

С учетом изложенных научных воззрений, предлагаем под мпн за исполнением трудового законодательства (далее — тк рф) понимать совокупность научно обоснованных и проверенных на практике методов, а помимо этого тактических и технических приемов выявления правовых нарушений исполнения тк рф, причин и условий им способствующих, определения всех виновных лиц, применения соответствующих мер прокурорского реагирования для восстановления прав, а помимо этого устранения и предупреждения новых правонарушений в исследуемой сфере.

По мнению в.г. мелкумова, прокурор может быть на уровне предъявленных ему высоких и сложных требований лишь тогда, когда он не только знает, что следует предпринять в каждом отдельно взятом случае и ситуации, но и как именно это сделать. Подобного рода познания обеспечиваются разработкой соответствующих методических рекомендаций. Поэтому «для эффективности борьбы с правонарушениями в деятельности учреждений, организаций, нужна хорошо разработанная методика выявления нарушения» [4].

Методические рекомендации по разным направлениям деятельности можно найти на сайте генпрокуратуры рф, однако, сборника методических рекомендаций о пн за исполнением тк рф на сайте не представлено.

Следует подчеркнуть, что именно сборники включают в себя все необходимые методические материалы по разным направлениям пн. В данных сборниках освещены все вопросы организации пн в той или иной сфере, а помимо этого в них представлен положительный практический опыт и акцентировано внимание на возникающих проблемных ситуациях. Помимо этого, сборники содержат перечень актуальных и действующих организационно-распорядительных документов и информационно-аналитических материалов генпрокуратуры рф по той или иной теме. Сборники методических рекомендаций предназначены для прокуроров, преподавателей, представителей научных кругов. Подготовлены работниками органов прокуратуры. Научное редактирование осуществляется академией генпрокуратуры рф.

Все правонарушения индивидуальны, и не может быть совершено одинаковых правонарушений. Отсюда и процесс их раскрытия, изучения тоже индивидуален. Однако трудовым правонарушениям присущи некоторые общие видовые признаки, обстоятельства, и, следовательно, их изучение и обобщение позволяет вырабатывать и общие рекомендации по их раскрытию, выявлению.

Представляется, что мпн за исполнением тк рф должна разрабатываться с учетом наиболее распространенных (часто совершаемых) и опасных правонарушений в трудовой сфере. При всем при этом следует учитывать, что методика пн не остается неизменной, она может видоизменяться, совершенствоваться в непосредственной зависимости от условий на рынке труда, социальной практики, законодательства о труде, необходимости усиления борьбы с отдельными видами трудовых правонарушений.

Генпрокуратурой рф неоднократно подчеркивалось, что управления и отделы генпрокуратуры рф и прокуратуры субъектов рф осуществляют нд за законностью действий со стороны органов власти, контролирующих органов, органов управления организаций, учреждений, а помимо этого обеспечивают руководство и контроль за органами прокуратуры, находящимися в их подчинении, и оказывают им всю необходимую помощь методического характера. В п. 22–23 приказа «об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195, генпрокурор рф обязал структурные подразделения генпрокуратуры рф и прокуроров субъектов рф оказывать практическую помощь нижестоящим прокуратурам в организации пн, осуществлять руководство и контроль за их деятельностью, а главному управлению по надзору за исполнением федерального законодательства совместно с академией генпрокуратуры рф разрабатывать нормативно-методические основы пн, а помимо этого распространять весь имеющийся положительный опыт работы прокуроров [2].

Многогранность пн за исполнением тк рф вызывает необходимость оперативно и своевременно разрабатывать методические рекомендации по осуществлению пн за исполнением тк рф, в том числе по наиболее приоритетным его направлениям, и обмениваться ими для повышения эффективности пн в данной области.

Осуществление пн за исполнением тк рф закрепляется, как правило, за конкретными работниками прокуратуры («предметный» принцип осуществления надзора). В районных (межрайонных) и приравненных к ним прокуратурах, а помимо этого в небольших городах, учитывая штатную численность оперативного состава работников прокуратуры, эта функция закрепляется за одним или несколькими помощниками прокурора. В прокуратурах субъектов рф, а помимо этого в прокуратурах больших городов рассматриваемая функция реализуется управлениями или отделами по надзору за исполнением законов. Для оказания соответствующей помощи районным и городским прокурорам за работниками прокуратуры указанных управлений и отделов закрепляются нижестоящие прокуратуры (так называемые зоны). Например, в прокуратуре хабаровского края надзор за исполнением тк рф осуществляют прокуроры отдела по надзору за исполнением законов в социальной сфере управления по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов.

На указанное подразделение прокуратуры субъекта возложены задачи правильной организации работы на данном участке надзора, обоснованного выбора объектов и направлений для прокурорских проверок, разработки методик по проведению конкретных проверок в сфере исполнения тк рф, оказания практической помощи нижестоящим прокуратурам.

К информационно-методическим материалам, помимо методических рекомендаций можно отнести также памятки и пособия, информационные письма и обзоры практик, доклады, отчеты и статистическую информацию.

Список литературы

1. О прокуратуре: федер. Закон от 17.01.1992 № 2202-і (ред. От 29.12.2022) // ведомости съезда народных депутатов российской федерации и верховного совета российской федерации.— 1992.— № 8. — ст. 366.
2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ генерального прокурора рф от 07.12.2007 № 195 (с изм. От 21.12.2022 № 763) // законность.— 2008.— № 53 — с. 1—4.

3. Коробейников б.в. методика, тактика и организация общего надзора // соц. Законность. 1986. № 1. С. 46.
4. Мелкумов в.г. советская прокуратура и проблемы общего надзора. Автореферат диссертации на соискание ...д. Ю. Н. Душанбе, 1971. С. 33.
5. Настольная книга прокурора: в 2 ч. Часть 1. / под общ. Ред. С.г. кехлева, о.с. капинус; науч. Ред. А.ю. винокуров. 4-е изд., перераб. И доп. М.: юрайт, 2016.— 429 с.
6. Прокурорский надзор. Общая часть: учебник для вузов / о. С. Капинус [и др.]; под ред. О. С. Капинус; а. Ю. Винокурова.— 6-е изд., перераб. И доп. — москва: юрайт, 2023.— 231 с.
7. Рябцев в.п. понятие, виды и структура методике прокурорского надзора // вопросы теории законности и прокурорского надзора: сб. Науч. Тр. М., 1994. С. 19.
8. Толковый словарь русского языка. 100 000 слов с.и. ожегова и н.ю. шведовой // оникс.— 2011.
9. Шинд в. И. О соотношении методике и тактики прокурорского надзора // вопросы теории законности прокурорского надзора: сб. Статей. М.,1994. С. 27–28.

УДК 34

О соотношении понятий компетенция и полномочия прокуроров

Геращенко Софья Алексеевна

магистрант Тихоокеанского государственного университета

Аннотация: Российская прокуратура осуществляет деятельность по основным направлениям, предусмотренным Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Несмотря на специфику каждого из них, для работы прокуратуры по всем направлениям характерно наличие предусмотренных законом компетенций и полномочий, совершаемых в установленном им порядке действий прокурора, или, другими словами, правовых средств прокурора, применение которых нацелено на поддержание законности. Несмотря на специфику каждого из них, для работы прокуратуры по всем направлениям характерно наличие предусмотренных законом и совершаемых

в установленном им порядке действий прокурора, или, другими словами, правовых средств прокурора, применение которых нацелено на поддержание законности. Однако в законодательстве термин «правовые средства прокурора» не раскрывается. Нет единства мнений о природе данного института и в российской науке. В статье анализируется понятие компетенции, дается определение компетенции прокурорского надзора, рассматриваются подходы к определению полномочий прокурорского надзора в данной области, делаются выводы о соотношении понятий полномочий прокурора, правовых средств прокурорского надзора и правовых средств реагирования.

Abstract: *The Russian Prosecutor’s Office carries out its activities in the main areas envisaged by the “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” Federal Law. Despite the specifics of each of them, the work of the prosecutor’s office in all areas is characterized by the existence of competences and powers provided for by law, actions of the prosecutor performed in accordance with the procedure established by the law, or, in other words, legal means of the prosecutor, the application of which is aimed at maintaining the rule of law. Despite the specificity of each of them, the work of the prosecutor’s office in all areas is characterized by the presence of prosecutor’s actions provided for by law and performed in accordance with the established procedure, or, in other words, prosecutor’s legal means, the application of which is aimed at upholding the rule of law. However, the legislation does not define the “legal means of the prosecutor” term. There is no unanimity of opinions about the nature of this institution in Russian science. The article analyzes the concept of competence, defines the competence of prosecutor’s supervision, considers approaches to defining the powers of prosecutor’s supervision in this area, and draws conclusions about the correlation between the concepts of prosecutor’s powers, legal means of prosecutor’s supervision and legal means of response.*

Ключевые слова: *компетенция прокуроров, полномочия прокуроров, правовые средства прокурорского надзора, правовые средства реагирования.*

Keywords: *competence of prosecutors, powers of prosecutors, legal means of prosecutorial supervision, legal means of response.*

Термин «компетенция» (от лат. competere — стремиться, соответствовать) обладает двумя основными значениями, тесно вошедшими в привычный обиход. Данными значениями являются:

- круг вопросов, по которым определенное лицо или лица имеют знания («ведают что-то»);
- круг полномочий (прав и обязанностей «ведают чем-то»).

Принимая вышеуказанное, можно говорить о реальной компетентности по различным вопросам, а помимо этого и о формальной компетенции

органов, различных учреждений или их должностных лиц. Как первая, так и вторая должны соответствовать друг другу, на что не раз обращалось внимание в науке административного права и госуправления, где понятие компетенции получило наибольшее развитие.

Исследователь Р. С. Абдулин под «компетенцией прокурора» (далее — КП) считает, что следует понимать совокупность всех установленных законом должностных полномочий, а помимо этого прав и обязанностей органов прокуратуры или прокуроров абсолютно всех уровней.

В специализированной энциклопедической литературе под «компетенцией» понимается совокупность абсолютно всех установленных нормативными актами прав и обязанностей учреждений, органов и должностных лиц, а помимо этого и тех лиц, которые реализуют различные управленческие функции в рамках функционирования коммерческих предприятий.

Следовательно, компетенция позволяет определить место и роль прокуратуры в общей системе госорганов. Следует особо отметить, что юридическое содержание такого термина, как «КП» включает в себя ряд основных элементов. К данным элементам относятся следующие: предметы ведения (на что конкретно распространяются полномочия, предоставленные органам прокуратуры); права, обязанности и полномочия прокуратуры или сотрудников прокуратуры; ответственность; полное соответствие всем поставленным целям, задачам и функциям. Иными словами, можно говорить о том, что именно КП, содержание ее полномочий по вопросам реализации всех функций, возложенных на нее, выступают в качестве таких параметров, которые определяют ее истинное место в общем государственно-правовом механизме страны.

Относительно понимания термина «полномочия» в юридической литературе сегодня можно четко выделить два подхода. Первый трактует полномочия как таковые, присущие органам властные возможности совершать действия, установленные на законодательном уровне, что и считается их неперенным и важным признаком. Помимо этого, утверждая, что каждый орган, будучи наделенным властными (их еще называют властно-распорядительными) полномочиями, осуществляет свою детальность согласно нормам закона, а помимо этого и издает различные право-

вые акты, которые являются обязательными к исполнению. Сторонники такой позиции фактически не объясняют сущность «полномочий». Говоря только об их властном характере, который основан на положениях нормативных актов, сторонники рассматриваемой позиции все-таки не уделяют должного внимания решению такого вопроса, который связан с содержанием термина «полномочия».

Для второго подхода характерно то, что полномочия здесь рассматриваются как элемент компетенции или функций прокуратуры. В рамках рассматриваемого взгляда, компетенция органа определяется различными исследователями посредством ссылки на всевозможные функции управленческого характера, возлагаемые на орган в отдельно взятой сфере деятельности. Но по причине того, что функции не выступают в качестве юридических явлений, то компетенция будет обозначать ее право и обязанность по реализации определенного перечня управленческих функций в отдельно взятой сфере деятельности.

Содержание КП формирует целую совокупность полномочий, а помимо этого цели и задачи, которые ставятся на уровне государства. В науке, изучающей вопросы конституционного права, под «компетенцией» понимается совокупность полномочий. Следует особо подчеркнуть, что в большинстве случаев компетентность приравнивают к правоспособности. Это обуславливается тем аспектом, что и компетентность и правоспособность направлены на определение правового статуса всевозможных субъектов. Под правоспособностью понимается способность иметь все необходимые права и обязанности, а под компетентностью понимаются реальные полномочия. Принимая во внимание вышеуказанное можно говорить о том, что в компетенцию включаются все реальные полномочиями, которыми наделена прокуратура со стороны государства. Именно КП, основное содержание ее полномочий по реализации функций, которые наложены на нее со стороны государства, выступают в качестве таких параметров, которые и определяют ее истинное место в государственно-правовом механизме страны.

Следует отметить приказ Генпрокуратуры РФ от 07.05.2008 № 84. Представленный приказ был принят для оптимизации и совершенствования деятельности прокуратуры. Помимо этого документ разграничивает КП, определяет и закрепляет разделение полномочий между территориальными

ми, военными и иными прокуратурами для эффективного и действенного взаимодействия между ними.

Для успешного решения всех задач, которые возложены на прокуратуру, а помимо этого и достижения целей их работы, сотрудники прокуратуры наделены перечнем полномочий (далее — ПП).

Исследователь О. В. Воронин, под ПП понимает объем прав и обязанностей, которыми располагает сотрудник прокуратуры для достижения абсолютно всех целей и задач, стоящих перед ним.

При этом Р. С. Абдулин отмечает, что ПП — это совокупность всех прав и обязанностей сотрудника прокуратуры по реализации им всех надзорных функций, которые определены и закреплены в положениях Закона о прокуратуре РФ (далее — Закон)

По мнению Ю. Е. Винокурова, ПП могут реализовываться только в рамках осуществления прокурорского надзора (далее — ПН), для благоприятного осуществления которого прокурор наделяется рядом конкретных прав, а помимо этого несет перечень обязанностей, которые определены на уровне законодательства.

В представленных выше позициях исследователей прослеживается единообразие в понимании упомянутого выше термина. Следовательно, под ПП следует понимать объем всех прав и обязанностей сотрудника прокуратуры, реализуемые исключительно при проведении ПН.

Ю. Е. Винокуров классифицирует ПП на две группы. К первой группе относятся такие полномочия, которые направлены на выявление всех правонарушений и обстоятельств, которые способствовали наступлению данного правонарушения. Ко второй группе относятся полномочия, которые направлены на устранение всех выявленных правонарушений и обстоятельств, которые способствовали их наступлению, а помимо этого полномочия, направленные на привлечение всех виновных лиц к соответствующей ответственности.

В первую группу входят следующие ПП:

- право по предъявлению служебного удостоверения без каких-либо препятствий входить на территории и в помещения поднадзорных органов;
- право требовать от руководителей поднадзорных органов представления всех необходимых документов; выделения различных специали-

стов для уточнения ответов по всем возникшим вопросам; проведения проверок по материалам и обращениям, поступившим в прокуратуру; проведения ревизий работы подконтрольных и (или) подведомственных организаций;

- право вызывать должностных лиц и отдельных граждан для дачи соответствующих объяснений и пояснений по вопросу нарушений положений того или иного закона.

Во вторую группу по классификации Ю. Е. Винокурова входят:

- право опротестовывать правовые акты, которые противоречат нормам закона, а помимо этого обращаться с соответствующим заявлением в судебные органы для признания подобных актов недействительными;
- право вносить представления об устранении всех выявленных правонарушений;
- право возбуждать производство об административном или уголовном правонарушении;
- право требовать привлечения всех лиц, которые нарушили нормы закона, к иной ответственности, установленной на уровне законодательства (например, дисциплинарной, материальной);
- право освобождать лиц, которые были незаконно подвергнуты административному задержанию, основываясь на решениях, вынесенных несудебными органами;
- право на направление предостережения о недопустимости нарушения норм закона.

Р. С. Абдулин ПП разделяет на общие и специальные.

К общим по его классификации следует относить такие ПП, которые применяются с учетом установленной КП абсолютно всех звеньев прокурорской системы, включая и специализированные. В большинстве своем это касается таких ПП, которые связаны с выявлением правонарушений.

Специальные ПП определены и закреплены за отдельно взятыми прокурорами. Примером таких ПП является предусмотренное п. 2 ст. 30 Закона исключительное право Генпрокурора РФ давать обязательные к исполнению указания по тем вопросам, которые связаны с дознанием, не требующим при этом регулирования на законодательном уровне.

А. Х. Казарина, разделяет ПП на процессуальные и не процессуальные. Под первыми понимается регламентация ПП нормами процессуального законодательства, а под вторыми понимаются положения иных законодательных и правовых источников.

Большинство ученых в сфере ПН выделяют ПП по надзору за исполнением таких законов, которые направлены на непосредственное предупреждение, выявление и последующее устранение различных правонарушений. Но действенный ПН предполагает использование всего арсенала средств, имеющихся у прокуроров и прокуратуры.

В большинстве своем, эффективность мероприятий, проводимые прокуратурой, прибывают в непосредственной зависимости от того, насколько законно, обосновано и при этом оперативно действующим прокурором применяются все ПП, которые ему предоставлены.

Н. С. Исаев группирует ПП следующим образом:

- выявляющие ПП — направлены на установление фактических данных о правонарушении, а помимо этого о последствиях и причинах его совершения;
- пресекающие полномочия — направлены на пресечение правонарушений, восстановление законности, ликвидации вредных последствий, а помимо этого и привлечение виновных к соответствующей ответственности;
- предупреждающие ПП — направлены на создание условий, обеспечивающих профилактику правонарушений.

В рамках реализации своих основных ПП, действующим прокурорам необходимо принимать во внимание и положения Постановления КС РФ от 17.02.2015 № 2-П.

Следует особо отметить, что ПП, направленные на выявление правонарушений и их причин, а помимо этого выявлении всех условий, которые обеспечивают определение реальных данных о правомерном событии, способах его совершении, установления всех виновных и ответственных лиц, причиненном вреде и обстоятельствах, которые напрямую способствовали совершению данного противоправного нарушения. К ним следует отнести ПП, закрепленные в п. 1 ст. 22 Закона и включенные в КП прокуроров абсолютно всех уровней.

В рамках рассмотрения такого термина, как ПП, особенно важно упомянуть и такие понятия, как «правовые средства прокурорского надзора» (далее — ПСПН) и «акты прокурорского реагирования» (далее — АКР). Можно сказать, что все эти термины говорят об одном и том же, но данный вывод следует считать ошибочным. Это обуславливается тем аспектом, что данные определения не являются тождественными.

Несмотря на широкое использование понятия «ПСПН» в области специализированной науки так и не сформировалось единой точки зрения к его определению.

А. Г. Мурашин рассматривает ПСПН как ПП, а помимо этого порядок и форму их реализации.

Б. В. Коробейников указывает, что ПСПН — это установленные законодательством ПП по реализации всех функций, которые были возложены на него.

С. И. Герасимова при использовании понятия ПСПН, ссылается на формы реализации ПП, направленные непосредственно на выявление, устранение, а помимо этого предупреждение возможных правонарушений.

Г. П. Химичева рассматривает ПСПН как полномочия, а помимо этого и АПР.

По мнению М. Б. Спиридонова, ПСПН — это формы деятельности прокурора, которые установлены на уровне законодательства, и посредством которых он реализует свои полномочия.

Ю. И. Скуратова все приравнивает к понятию акты ПН.

С. С. Алексеев расценивал ПСПН как «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу».

ПСПН не сводятся к полномочиям прокурора, хотя непосредственно связаны с ними и ими обусловлены. ПСПН могут быть действенным инструментом прокуратуры по вопросам обеспечения законности только, если прокурор наделен соответствующими полномочиями.

Исходя из приведенных понятий под «средствами прокурорского реагирования» (далее — СПР) чаще всего, в научной литературе, понимаются предусмотренные законом действия прокурора по устранению выявленных правонарушений, причин и условий, им способствующих, привлече-

нию к ответственности всех виновных лиц. Следует особо отметить, что СПР соотносятся со средствами прокурорского надзора (далее — СПН) как общее и частное, поскольку СПР являются способом реализации средств надзора.

Понятия ПП и СПН в науке прокурорского надзора не признаются тождественными. Е. Л. Никитин приводит следующее определение ПП: «ПП рассматриваются, как право осуществлять ту или иную деятельность». Под СПН же он подразумевает действия, направленные на реализацию указанных прав. Исследователь подчеркивает, что ПП выступают составной частью СПН.

Относительно понятия «АПР» имеется несколько мнений. Большинство авторов рассматривают акты как предусмотренные законами правовые средства реализации полномочий прокуратуры. Согласно мнению Ю. Е. Винокурова, АПР являются исключительными правовыми актами прокуратуры, выносимые только прокурором в порядке реализации своих ПП.

Принимая во внимание современный уровень развития теории прокурорского надзора, наиболее уместным мы считаем разделить все рассмотренные выше позиции и рассматривать термин «ПСПН» в качестве комплексной категории, охватывающей как ПП, так и нормативно установленный порядок их реализации. При этом «АПР» необходимо дополнительно выделить в качестве самостоятельного элемента.

Список литературы

1. О прокуратуре: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 8. — Ст. 366.
2. О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур: Приказ Генерального прокурора РФ от 07.05.2008 N 84 (ред. от 11.09.2023)
3. Абдулин Р. С. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебное пособие / Р. С. Абдулин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. — 266 с.

4. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с
5. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Проспект, 2006.
6. Воронин О.В. В75 Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебно-методический комплекс / под ред. А. Г. Халиулина. — Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021.— 266 с.
7. Ергашев Е.Р., Габышева Е. А. Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования / Российское право, юридическая профессия: адвокатура, нотариат, прокуратура, 2018 г.
8. Казарина А. Х. Теоретические и прикладные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов экономической направленности: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2009.

УДК 347.626.2

Проблемы правового регулирования брачного договора

Румянцева Елизавета Сергеевна

студент Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний

Фроловская Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

***Аннотация:** В статье анализируются определенные проблемы, которые опосредуют правовое регулирование применения брачного договора, защиту прав супругов, получивших свое распространение совсем недавно. Проводится анализ специфики брачного договора. Результатами исследования являются выводы о проблематике института брачного договора. Сделан вывод о перспективах развития данного института на территории РФ. Так, те или иные положения брачного договора относительно имущественных прав и обязанностей могут вытекать из прекращения брака. В то же время в РФ в брачном договоре не могут прописываться личные обязанности супругов, например положения, которые включают интересы детей.*

***Abstract:** The article analyzes certain problems that mediate the legal regulation of the marriage contract being the protection of the rights of spouses, which have recently become widespread. The specifics of the marriage contract are analyzed. The results of the study are conclusions about the problems of the institute of the marriage contract. A conclusion is made about the prospects for the development of this institution in the territory of the Russian Federation. So, one or another provisions of the marriage contract regarding property rights and obligations may arise from the termination of marriage. At the same time, in the Russian Federation, the marriage contract may not prescribe personal obligations of the spouses, such as provisions that include the interests of children.*

***Ключевые слова:** брачный договор, правоотношения, супруги, имущественные правоотношения.*

***Keywords:** prenuptial agreement, legal relations, spouses, property relations.*

Институт брачного договора начал активно использоваться в рамках семейных правоотношений недавно. Основы заключения брачного договора были прописаны в Семейном кодексе Российской Федерации. При этом долгое время заключение брачного договора является довольно редким явлением. Это связано с тем, что на законодательном уровне не предусмотрено конкретизации специфики заключения такого рода договора между супругами. Соответственно на практике применять соответствующие нормы Семейного кодекса РФ, регламентирующие брачный договор затруднительно [1, с.300]. Так, фактически в семейном законодательстве не зафиксирована суть брачного договора. Это связано с тем, что брачный договор довольно специфичная конструкция, которая включает в себя соглашение сторон по поводу распоряжения собственностью. При этом он направлен на урегулирование имущественных отношений.

Таким образом, большинство ученых считают, что брачный договор в большей степени регламентирует отношения, закрепленные гражданским законодательством, так как возможность заключения такого рода договора закрепляется и Гражданским кодексом Российской Федерации. Также стоит отметить, что в Гражданском кодексе РФ закреплены основы для изменения и расторжения такого вида договора.

В тоже время брачным договором в большей степени регламентируется гражданским законодательством в силу того, что в статье 42 Семейного

кодекса Российской Федерации закрепляются имущественные взаимоотношения в качестве предмета соответствующего договора, то есть брачный договор может включать определенные обязанности супругов, детей и других членов семьи, которые имеют имущественную основу[2, с.150]. Также стоит отметить, что данный договор включает только определенных субъектов. К таковым относятся лица, которые вступили в брак, либо только собираются вступить в соответствующие брачные отношения.

При этом четко не фиксируется период вступления граждан в брак. Такие признаки не обозначены в семейном законодательстве или иных отдельных нормативных правовых актов. Как правило, к таким субъектам относятся граждане, которые только подали заявление в органы Загса. В тоже время, соответствующие нормы не нашли своего отражения в законодательстве Российской Федерации, то есть такая трактовка является не совсем верной, поэтому к таким субъекта можно отнести также лиц, которые только собираются вступить в брак, то есть у них сформировалось такое намерение. Именно такая трактовка позволит более объективно судить о субъектах договора. Соответственно, будет исключена проблемная ситуация, которая вытекает из того, что в рамках заключения брачного договора сложно определить субъектный состав данного договора.

При этом важно отметить, что заключение брачного договора должно основываться на факте подачи соответствующего акта в органы записи актов гражданского состояния. Не менее важной проблемой можно назвать норму о последствиях прекращения договора. Брачный договор перестает действовать в период, когда прекращаются брачные отношения, что закреплено статьей 25, Семейного кодекса Российской Федерации [3, с.100].

При этом данная норма не распространяется на обязательства, которые связаны с факторами прекращения брачных отношений между супругами. Также окончание брачных отношений обосновано тем, что один из супругов умирает, либо его объявляют погибшим. При этом важно зафиксировать процесс перехода данного имущества по наследству. Так, многие ученые считают, что сам факт передачи собственности супругов по наследству является обоснованным, если супруги не меняли в брачном договоре сам режим передачи соответствующего имущества. Важно не забывать про специфику брачного договора. Соответственно основыв-

ваясь на данной точке зрения, действие брачного договора должно быть прекращено только с момента окончания брачных отношений. Исключением являются права и обязанности супругов, которые обоснованы моментом расторжения брака и заключением брачного договор. Также стоит отметить, что те или иные положения брачного договора относительно имущественных прав и обязанностей могут вытекать из прекращения брака. В других государствах в брачном договоре также могут прописываться и личные обязанности супругов, например к таковым относятся интересы детей. Например, в Белоруссии в таком договоре может прописываться порядок регулирования механизма воспитания детей, алиментные обязательства супругов, фиксироваться определение места проживания ребенка.

При этом в РФ такой порядок не действует. Родители не могут прописать в брачном договоре механизм воспитания детей [4, с.10].

Итак, брачный договор является уникальным правовым явлением, такой институт безусловно получит свое распространение на территории РФ в будущем. При этом важно правильно толковать гражданское и семейное законодательство, чтобы правильно применять данный договор.

Список литературы

1. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Юрист, 2002. 336 с.
2. Самсонова И. В. Раздел имущества супругов: практическое пособие // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://goos.ru/9bYB> (дата обращения: 08.01.2024).
3. Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов: науч.-практ. пособие. М.: Эксмо, 2021. 270 с. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 179 с.
4. Шершень Т. В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюллетень нотариальной практики. 2020. № 5. С. 15–20.
5. Ананьева Е.О., Основы гражданского права: Учебное пособие / Е. О. Ананьева, Ю. И. Фроловская. — Рязань: Индивидуальный пред-

приниматель Коныхин Александр Викторович, 2023.— 338 с. — ISBN 978–5–907568–55–6. — EDN KKICWA.

6. Бондаренко, И. В. Брачный договор: теоретические вопросы реализации договорных имущественных отношений в семье / И. В. Бондаренко, М. Н. Махиборода, Ю. И. Фроловская // Образование. Наука. Научные кадры.— 2022.— № 4. — С. 155–158. — DOI 10.56539/20733305_2022_4_155. — EDN GGUCWA.

УДК 347.626.2

Брачный договор как способ защиты имущественных прав супругов

Румянцева Елизавета Сергеевна

студент Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Фроловская Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

***Аннотация:** В статье анализируется нормативно — правовое регулирование брачного договора в контексте раскрытия специфики защиты имущественных прав супругов. Брачный договор является механизмом защиты имущественных прав граждан. Результаты исследования — это выводы о специфике использования брачного договора как механизма регулирования имущественных отношений между супругами. В работе сделан вывод о перспективах использования брачного договора для урегулирования неимущественных отношений. Закрепление соответствующих норм в Российском законодательстве опосредовало свободу фиксации в договоре наиболее удобного правового режима распоряжения имуществом супругами. Соответственно, брачный договор позволяет избежать конфликта между супругами, разрешить определенные имущественные противоречия, а также защитить имущественные интересы отдельных супругов.*

***Abstract:** The article analyzes the statutory regulation of the marriage contract in the context of disclosing the specifics of protection of property rights of spouses. The marriage agreement is a*

mechanism of protection of property rights of citizens. The results of the study are conclusions about the specifics of the use of the marriage contract as a mechanism for regulating property relations between spouses. The paper concludes on the prospects of using the marriage contract to regulate non-property relations. The recognition of relevant norms in the Russian legislation mediated the freedom to fix in the contract the most convenient legal regime of disposition of property by spouses. Accordingly, the prenuptial agreement allows to avoid conflict between spouses, to resolve certain property contradictions, as well as to protect the property interests of individual spouses.

Ключевые слова: брачный договор, совместная собственность, супруги, имущество.

Keywords: prenuptial agreement, joint ownership, spouses, property.

Заключение брачного договора регламентируется гражданским законодательством. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 256 ГК РФ, имущество, которое супруги нажили в процессе совместной жизни является их общей собственностью. При этом дополнительно они могут заключить между собой договор, в котором пропишут иной режим распоряжения совместным имуществом [1, с.34].

Закрепление соответствующих норм в Российском законодательстве опосредовало свободу фиксации в договоре наиболее удобного правового режима распоряжения имуществом супругами.

При этом брачный договор отвечает определенным признакам, которые нашли отражение в актуальном законодательстве:

1. Брачный договор составляется в письменной форме;
2. Брачный договор заключается между двумя сторонами;
3. Брачный договор подлежит нотариальному удостоверению;
4. Брачный договор фиксирует основы имущественных отношений между супругами, которые являются субъектами такого рода договора.
5. Брачный договор начинает действовать с момента заключения брака.
6. Любые корректировки, которые вносятся в брачный договор должны быть строго нотариально удостоверены или же они не имеют законодательной силы.
7. При этом брачный договор может, оспаривается в суде, поэтому нотариус должен четко охарактеризовать специфику такого договора, дать оценку определенным условиям и последствиям, которые опосредуют заключение такого договора.

Супруги имеют право поменять режим распоряжения совместной собственностью посредством заключения брачного договора. Например, они могут прописать в соответствующих договорах, что такой режим действует только в отношении недвижимого имущества. Также в брачном договоре может быть предусмотрено, что супруги распоряжаются собственностью в рамках действия режима раздельной собственности на конкретные виды имущества. При этом не имеет значения, приобретено ли движимое или недвижимое имущество [2, с.77].

Также необходимо отметить, что в брачном договоре нельзя прописывать отдельно условия:

1. Ограничивающие дееспособность и правоспособность супругов, то есть они не могут быть ограничены в каких-либо действиях, которые хотят совершать ради своих интересов.
2. Брачный договор не регулирует вопросы личных отношений между супругами;
3. Брачный договор не предусматривает регулирование вопросов фиксации обязанностей супругов относительно детей;
4. Заключение такого договора исключает нарушение прав нетрудоспособного супруга, который нуждается в материальной поддержке.

Соответственно, если конкретные условия брачного договора подразумевают то, что один из супругов попадет в невыгодное положение. Например, если ему запрещается претендовать на определенное вещество, то такого рода условия должны быть признаны недействительными.

При этом субъекты, которые могут заключить брачный договор — это супруги, а также лица, которые только намереваются вступить в брак. К таковым субъектам также относятся несовершеннолетние, которые имеют намерение вступить в брачные отношения. При удостоверении брачного договора, который заключается несовершеннолетними гражданами должны присутствовать законные представители [3, с.100].

Примечательно, что еще в 2014 году на базе единой информационной системы нотариата стал действовать электронный реестр брачных договоров. Соответственно, нотариусы смогли анализировать подписанные супругами документы, независимо от места нахождения. Это позволяет пресекать мошеннические действия со стороны одного из супругов при

заключении определенных сделок. Брачный договор необходим для того, чтобы супруги избежали неблагоприятных последствий в контексте владения, пользования и распоряжения имуществом.

Так, в брачном договоре четко прописывается каким образом супруги могут распоряжаться доходами друг друга, какие финансовые расходы несет каждый из супругов, каким имуществом супруги могут распоряжаться после расторжения брака [4, с.36].

Брачный договор является крайне удобным механизмом регулирования отношений между супругами. Так, он позволяет избежать конфликта между супругами, разрешить определенные имущественные противоречия, а также защитить имущественные интересы отдельных супругов. Оспорить брачный договор довольно сложно, потому что в первую очередь его недействительность обоснована нарушением норм материального права. Например, если сторона заключает договор под влиянием заблуждения. Если же одна из сторон поменяла свое мнение об условиях договор после его заключения, это не имеет значения. Необходимо отметить, что на территории Российской Федерации заключается все больше брачных договоров, что говорит об определенной сознательности граждан, проживающих в Российской Федерации. Они стремятся защитить свою имущественные права.

Таким образом, брачный договор является механизмом, который направлен на защиту имущественных прав супругов. Это позволяет супругам реализовать свои имущественные права в полной мере.

Список литературы

1. Бутова Е.А. О некоторых вопросах трансформации общей совместной собственности в долевую. // Современное право. 2022. № 6. С. 70–75.
2. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12–14.
3. Рысева А. И. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений супругов. // Молодой ученый. 2023. № 50. С. 318–321.
4. Самсонова И. В. Раздел имущества супругов: практическое пособие. М., 2023. С. 215–218. Трофимова Г. А. Брачный договор как основание

индивидуального регулирования имущественных отношений супругов. // Нотариус. 2021. № 1. С. 14–18.

5. Бондаренко, И. В. Брачный договор: теоретические вопросы реализации договорных имущественных отношений в семье / И. В. Бондаренко, М. Н. Махиборода, Ю. И. Фроловская // Образование. Наука. Научные кадры.— 2022.— № 4. — С. 155–158. — DOI 10.56539/20733305_2022_4_155. — EDN GGUCWA.

УДК 347

Гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной деятельности: систематизация и состояние

Пекарева Виктория Владимировна

студент Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Фроловская Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

***Аннотация:** Анализ доктринальных и законодательных положений направлен на всецелое представление системы правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности. Основная мысль статьи заключается в том, что инкорпорирование блока гражданско-правового режима в качестве рассмотрения специфики раздела, связанного с интеллектуальной собственностью, позволяет более эффективно осуществлять защиту исключительных прав ее субъектов и регулировать отношения между правообладателями и третьими лицами, что обеспечит согласованность при практической реализации норм права в интеллектуальной сфере.*

***Abstract:** The analysis of doctrinal and legislative provisions is aimed at a comprehensive presentation of the system of legal regulation of the results of intellectual activity. The main idea of the article is that the incorporation of the block of civil law regime as a consideration of the specifics of the section related to intellectual property allows for more effective protection of the exclusive rights of its subjects and regulation of relations between right holders and third*

parties, which will ensure consistency in the practical implementation of the norms of law in the intellectual sphere.

Ключевые слова: *результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права, средства индивидуализации, гражданско-правовой режим, законодательство.*

Keywords: *results of intellectual activity, exclusive rights, means of individualization, civil legal regime, legislation.*

Прежде чем переходить к градации нормативно-правовых актов (далее — НПА), регламентирующих и регулирующих результаты интеллектуальной деятельности, устанавливающих порядок, права, обязанности участвующих сторон, к оценке эффективности собранных видов законов в совокупности, необходимо понять что из себя представляет гражданско-правовой режим, а также какими специфическими признаками он обладает. Для оптимального уяснения разберемся в семантизации такой категории как «правовой режим», учитывая индивидуальные признаки гражданской отрасли права, в дополнении и сферы, которые она охватывает своим координированием имущественных и личных неимущественных отношений.

Методологически полноценной точкой зрения о сути правового режима как объективной категории, что можно применить для обозначения содержания гражданско-правового режима, чтобы выстроить дальнейшее конструирование всей «картины» целиком о нормативном механизме, является мнение Э. Ф. Шамсумовой: «в широком смысле — особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных объектах, включающий в себя установление механизма обеспечения фактической реализации системы дозволений, стимулов, нормативов, гарантий, запретов, ограничений, обязываний, а также их компетентное исполнение и применение мер принуждения и привлечения виновных к ответственности; в узком смысле — закрепленное в нормах права особое сочетание юридического инструментария (юридических средств), характеризующееся наличием определенных условий, конкретностью общественных отношений, относителем к определенному объекту и преследующее благоприятную, полезную для общества и государства цель» [4].

При рассмотрении источников правового режима для регулирования интеллектуальной деятельности будем придерживаться описанной модели понимания детерминации применения юридических и организационных средств с принятием во внимание специфики НПА, содержащих нормы цивилистики. Интеллектуальная сфера многообразна, и абстракция предмета регулирования вызывает определенные трудности.

Конституцией РФ в ст. 44 подчеркивается важность гарантирования свободы развития литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также преподавания, обеспечивается защита интеллектуальной собственности. Данный «суперинститут» гражданского права упомянут и в п. «о» ст. 71 Конституции РФ, где очевидно заключено, что право интеллектуальной собственности является соответствующей подотраслью, и регулирование этих отношений находится в исключительном ведении нашей страны. Концепция прав интеллектуальной собственности строится на идее о том, что творцы и новаторы должны быть вознаграждены и защищены за их усилия и инвестиции в генерирование новых идей и изобретений [3].

Следует обозначить, что наличие другой нормы в основном законе страны, где указано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», не должно противоречить тому, что какие бы не были там корректные и новаторские формулировки по поводу регулирования интеллектуальной деятельности необходимости обращаться к недавнему (4 июля 2020 г.) ограничению ст. 79 Конституции, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащем конституционным нормам, не подлежат исполнению. Прежде обращаться к транснациональным источникам нужно исследовать отечественное законодательство и попробовать решить проблему, противоречие внутри страны, а только потом при сопоставлении норм прибегать к международному опыту.

Часть четвертая ГК РФ стала ключевым заключительным элементом кодификации норм об интеллектуальной собственности. Унификация

норм обусловлена необходимостью ликвидации противоречий между нормами ГК РФ и нормами других федеральных законов, обобщения правового аспекта частного права. Правовое регулирование исключительно по своей сути, возможности пользовательского и распорядительного плана основаны на извлечении тех или иных полезных функций результатов интеллектуальной деятельности, передачи, монопольной возможности обладания, разрешая либо запрещая использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в той или иной форме и способом другим лицам[3].

Законодательными положениями определяется особый статус, система использования исключительных прав, обозначено правовое положение участников гражданского оборота, установлены основания и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, иных на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (интеллектуальные права), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или их управлением, договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и финансовой независимости участников. Также подробно представлен переход исключительного права и иллюстрированный конкретный список в статьях результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации.

Цивилисты П. Г. Шеленговский, В. А. Дозорцев, А. А. Пиленко, Г. Ф. Шершеневич распространяют мнение о проигрышности трактовки «интеллектуальная собственность» в отечественном законодательстве. Результаты интеллектуальной деятельности не совсем корректно отождествлять с материальным воплощением в привычном гражданско-правовом понимании. Истинной дефиницией является «исключительная собственность». О. В. Ревинский отмечает, что в Стокгольмской конвенции понятие «интеллектуальная собственность» не раскрывается через права на результаты интеллектуальной деятельности, а включает их: «Поскольку для любого участника экономического оборота крайне важно обладание статусом, известным всем другим участникам, то исключительно удобной оказывается именно конструкция, аналогичная праву собственности или

иному вещному праву» [2]. Однако целесообразно сделать акцент, что отечественный законодатель не зря выбрал формулировку, которую мы знаем на данный момент, интеллектуальных прав, указав на правовую связь сущности видов прав и результатов этой деятельности.

Наряду с ГК РФ действуют федеральные законы, которые конкретизируют конкретные сферы интеллектуальной деятельности. Например, единые технологии, область патентных поверенных, охрану авторских прав, в частности архитектурную деятельность, генную инженерию, селекционные достижения, фонограммы, микросхемы, области искусства и живописи, положение исполнителей, авторов и т.д.

Регистрацией патентов, товарных знаков и других объектов приходится заниматься федеральным органам исполнительной власти, прежде всего это происходит через Минэкономразвития России. Его предмет регулирования можно охарактеризовать как систему составления, подачи и рассмотрения документов для госрегистрации, порядок информационного поиска при проведении экспертизы по существу по заявке и представления отчета о нем, административный режим предоставления соответствующих государственных услуг по регламентации перехода исключительного права и регулирует аналогичные отношения, связанные с деятельностью Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатентом).

Таким образом, сущность правовых положений в НПА, регламентирующих интеллектуальную деятельность, связанные с ней функции, операции, права и обязанности, проявляется в большей степени управленческом характере влияния на юридически значимые действия, например, регистрацию, выдачу разных типов свидетельств и т.д., что требует постоянного регулирования и своевременного обновления под текущие обстоятельства и технические нововведения. Главное для гражданско-правового механизма — сопутствие и преследование цели сохранности гарантии прав, свобод человека и гражданина, стабилизации общественных отношений и сохранения правопорядка, минимизируя преступные действия, посягательства в такой неординарной, творческой, многопрофильной деятельности, учитывая теперь и особенности, влияние информационного пространства.

Список литературы

1. Ананьева Е. О. Основы гражданского права: Учебное пособие / Е. О. Ананьева, Ю. И. Фроловская. — Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023.— 338 с. — ISBN 978–5–907568–55–6. — EDN KKICWA.
2. Мансурова, Г. И., Мансуров, П. М. Содержание и генезис понятия «интеллектуальная собственность» // Вестник ульяновского государственного технического университета, 2016 г., № 1. — С. 4–7.
3. Пекарева, В. В. К вопросу интерпретации содержания интеллектуальных прав в гражданско-правовой доктрине / В. В. Пекарева, Ю. И. Фроловская // Аграрное и земельное право.— 2023.— № 11(227). — С. 209–210. — DOI 10.47643/1815–1329_2023_11_209. — EDN PRMTEP.
4. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы(теоретический аспект) Екатеринбург, 2001 г. С. 72, 78.

УДК 347.78

Защита авторских прав в цифровом пространстве

Коломина Галина Дмитриевна

студент Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Фроловская Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация: В статье рассматриваются особенности защиты авторских прав в цифровом пространстве, выделяются актуальные проблемы, предлагаются пути решения для правового регулирования авторских прав в цифровом пространстве. Анализируются онлайн курсы как объекты авторских прав в цифровом пространстве. Делается попытка рассмотрения онлайн курсов с точки зрения цифровых произведений.

Abstract: *The article considers the peculiarities of copyright protection in the digital space, highlights the actual problems, offers solutions for the legal regulation of copyright in the digital space. Online courses as objects of copyright in the digital space are analyzed. An attempt is made to consider online courses from the digital works point of view.*

Ключевые слова: *авторское право, защита, гражданское право, онлайн курс, произведения.*

Keywords: *copyright, defence, civil law, online course, works.*

В эпоху цифровой революции, где контент создается, передается и распространяется с невиданным ранее объемом и скоростью, вопросы, связанные с защитой авторских прав, оказываются более актуальными и сложными. Интернет и мировые коммуникационные средства дали возможность каждому индивидуально выразить себя и делиться своим творчеством. Однако это также привело к серьезным вызовам в области прав интеллектуальной собственности. Защита авторских прав в цифровом пространстве стала одной из наиболее актуальных и важных тем современного мира.

В центре внимания стоит противостояние между свободой информации и правом авторов на справедливое вознаграждение за свои творения. Защита авторских прав затрагивает множество аспектов, начиная от цифровой пиратской деятельности и заканчивая ограничениями на свободу слова. Важно понимать, что для защиты своей идеи необходимо выразить её в конкретной форме, что обеспечивает её охрану независимо от широкого круга аудитории.

В статье 1225 Гражданского кодекса РФ приведен перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана. Онлайн-курс обычно представляет собой комплекс различных произведений, таких как видео, изображения, анимация, графика и другие. Согласно пункту 2 статьи 1260 Гражданского кодекса РФ, онлайн-курс как совокупность нескольких объектов может рассматриваться как составное произведение. Нарушители, использующие чужие обучающие материалы без разрешения, иногда оправдывают свои действия тем, что такие материалы, а также методики обучения, не признаются объектами авторского права и не подлежат охране.

Онлайн-курсы представляют собой не просто сборник текстов и изображений, а целостное аудиовизуальное произведение, включающее в себя презентации, чек-листы, гайды, мастер-классы и звуковое сопровождение. Эти обучающие материалы подпадают под законы об авторском праве (п. 1 ст. 1259 ГК РФ), так как обладают как творческим характером, так и объективной формой выражения. Онлайн-курсы представляют собой современный способ организации образовательного процесса или его частей.

Как и любой учебно-методический комплекс, онлайн курс имеет свою уникальную программу и методические рекомендации, которые защищены авторским законодательством, подобно произведениям науки, искусства и литературы. Нарушение авторских прав может повлечь за собой серьезные санкции. Для предотвращения нарушений авторских прав на онлайн-курсах применяются различные технические меры, например, установка на страницу специального скрипта, который обеспечивает защиту текста от копирования. Для этого используется код html защиты сайта.

Существует несколько способов защиты контента от нежелательного копирования. Один из них — это использование CSS-стилей для запрета выделения текста. Например, можно создать класс «noselect», который предотвратит выделение текста. Еще один способ — интеграция названия компании или бренда в текст. Внедрение уникальных товарных позиций также может помочь `erg erg` защитить контент от копирования. Хотя эти методы не гарантируют полной безопасности, они усложняют задачу недоброжелателям. Кроме того, можно включить ссылку на свой сайт в текст, что поможет защитить контент от автоматизированных парсеров.

Для эффективной защиты авторских прав рекомендуется применять методы, такие как упоминание названия компании в тексте и вставка ссылок программным способом при копировании материала. Также важно использование водяных знаков, которые сложно удалить без ущерба для фотографий, а для видео этот процесс еще сложнее. Дополнительным способом защиты может быть использование специализированных программ, таких как Инфопротектор, Vimeo, SFCContent.com, Protection Studio [3]. Нарушение авторских прав в соответствии с законодательством Рос-

сийской Федерации может повлечь за собой гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность.

Три основных элемента, на которых строится доказывание по делу о нарушении авторских прав на онлайн-курс, включают в себя: подтверждение факта собственного авторства или исключительного авторского права, установление факта нарушения авторского права и определение ущерба, причиненного нарушением (независимо от его размера). Для защиты своих авторских прав в онлайн среде рекомендуется сохранять информацию со страниц сайтов на носителе (например, лазерном диске, внешнем жестком диске или флеш-накопителе) и затем депонировать этот носитель. Депонирование представляет собой организованное хранение ценных материалов.

«Депонирование произведения» или «депонирование авторских прав на произведение» означает зафиксировать, что в определенный момент времени произведение уже существует в конкретной форме, и автором этого произведения (пока не доказано обратное) является лицо, которое совершило депонирование. Также можно воспользоваться опережающими публикациями на бумажных носителях (до появления в сети), нотариальным заверением и другими методами. Не столь важен сам метод, сколько значимо то, что в случае возникновения споров ваша защита укрепит позицию в суде, предоставив неоспоримое доказательство авторства [4].

У правообладателя и обладателя исключительной лицензии всегда есть выбор — обратиться в суд с исковым заявлением или сначала подать ходатайство о применении предварительных обеспечительных мер. Основное различие заключается лишь во временных рамках. Защита авторских прав в онлайн сфере обычно требует быстрого реагирования. Поэтому Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает возможность блокировки сайта нарушителя в кратчайшие сроки.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» автор (правообладатель), обнаруживший сайт, на котором незаконно размещена информация, нарушающая его авторские и (или) смежные права, имеет право направить владельцу данного сайта заявление (претензию) о нарушении своих прав.

Владелец информационного ресурса обязан рассмотреть полученное заявление в течение 24 часов. В случае выявления незаконно размещенной информации, он должен удалить ее или предоставить ссылку на источник и указать автора материала. Если владелец не отреагировал на заявление, автор (правообладатель) имеет право обратиться в суд через Роскомнадзор с требованием о блокировке сайта.

В связи с отсутствием четких нормативов относительно онлайн-курсов в современном законодательстве, необходимо разработать специальный закон, который установит процедуру защиты онлайн-курсов и материалов. Это является одним из приоритетных направлений развития федерального законодательства в ближайшей перспективе.

Список литературы

1. Кулешова О. А. Образовательный онлайн курс как предмет интеллектуальной собственности // Информационные технологии в образовательном процессе вуза и школы: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 24 марта 2021 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2021.— 522 с.
2. Позднякова Е. А. Авторское право: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2022.— 722 с.
3. Стрелкова Е. В. Авторское право в сети интернет: проблемы правового регулирования и пути их решения // Образовательная система в вопросах совершенствования правовой культуры: сборник научных трудов. Казань: ООО «СитИвент», 2019. С. 124–129.
4. Трифилова К. В. Проблемы защиты авторских прав в сети интернет // Матрица научного познания. 2022. № 4–1. С. 204–209.
5. Чевычелов Д. С. Защита авторских прав на произведения, размещенные автором в сети интернет // Молодежь. Наука. Инновации. 2022. С. 44–46.

УДК 343.3/.7

Уголовно-правовая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ)

Пекарева Виктория Владимировна

студент Академии права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России

Научный руководитель **Полицук Николай Иванович**

доктор юридических наук, профессор кафедры Теории государства и права,
международного и европейского права Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний России

***Аннотация:** Статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) регламентирована ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. Данный состав относится к категории преступлений в сфере компьютерной информации и является одним из наиболее распространенных. В статье раскрыто содержание объективных и субъективных признаков противоправного деяния. Приводится критический анализ уголовно-правовой нормы, законодательно закрепленной дефиниции «компьютерная информация», ссылок на имеющееся по составам 28 главы УК РФ постановление, объяснены в научной работе для данного преступления регламентированные категории-последствия. Осмысление способствовало выявлению вопросов и нюансов, требующих внимания для квалификации деяния по ст. 272 УК РФ и дальнейшего совершенствования уголовного законодательства.*

***Abstract:** Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation regulates liability for unauthorized access to computer information. This corpus delicti belongs to the category of crimes in the sphere of computer information and is one of the most widespread. The article reveals the content of objective and subjective features of the unlawful act. Critical analysis of the criminal norm, legislatively enshrined definition of «computer information», references to the available on the corpus delicti of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, explained in the scientific work for this crime regulated category-sequences. Comprehension contributed to the identification of issues and nuances that require attention for the qualification of the act under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and further improvement of criminal legislation.*

***Ключевые слова:** преступления в сфере компьютерной информации, уголовное законодательство, киберпреступления, цифровое пространство, компьютерные преступления, состав преступления, уголовная ответственность.*

Keywords: crimes in the sphere of computer information, criminal legislation, cybercrime, digital space, computer crimes, corpus delicti, criminal liability.

При анализе применения уголовно-правовых норм в практике возникают затруднения в вопросах квалификации преступлений, непосредственно связанных с компьютерной информацией. Перманентность изучения сущности одного из видов противоправных деяний формируется на основе наступления информационной «эры», повышенного эксплуатации, экспансии сведений в любом виде, развитию искусственного интеллекта. Первый как по времени, так и по очередности состав главы 28 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации — ст. 272 УК РФ. В соответствии предписания данной нормы под осуществлением неправомерного доступа к данному роду сведений, защищенными законом, понимается действие которое приводит к преобразующим последствиям, обозначенным законодателем: уничтожению, блокированию, модификации или копированию. Само преступление считается завершенным с мгновения наступления любого из указанных исходов, изменяющих содержание и стабильное функционирование.

Прежде чем охарактеризовать непосредственно сам неправомерный доступ к компьютерной информации, обратимся к ключевой дефиниции. Емкое понятие информации определяется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Компьютерная, в свою очередь, выступает частью совокупности всего семантического и практического имеющегося выражения об информации в целом. В примечании делается акцент на форме сведений — электрических сигналов, независимо от методологии их хранения, обработки и передачи. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 дополняет понимание сведений, формулировка которых указана в одной из статей главы 28 УК РФ. В нем обозначено как и где находятся данные. Тем не менее, важно отметить, что определение «компьютерной информации» в уголовном законодательстве не полностью отражает ее

сущность в цифровой форме. Оно ограничивается связью с физическими компьютерными устройствами, что становится сомнительным в свете современных изменений в сфере информационных технологий и законодательства, а также в развитии компьютерных сетей, интернет-пространства в целом. Однако следует отметить, что такая формулировка была введена прежде всего в целях уголовного права, особенно для трактовки в других составах преступлений. Возможно, разумно обсуждать необходимость более широкого определения преступлений, связанных с компьютерной информацией, чтобы охватить все возможные сценарии. Стоит подумать о включении не только одной обобщенной формы как электрические сигналы, базовыми видами которых являются дискретные, аналоговые, цифровые, но и данных, хранящихся на различных носителях, поскольку с появлением удаленных серверов появляются новые вопросы о том, как идентифицировать компьютерную информацию, особенно ту, которая генерируется теми же электрическими сигналами или иным способом. Это позволит более точно определить неправомерные действия, связанные с незаконным доступом, использованием или передачей сведений. Исходя из представления сущностной характеристики законодателем, информация, передаваемая по беспроводным и оптическим каналам связи, не будет являться объектом уголовно-правовой охраны т.к. не попадает под определение электрических сигналов при трактовке этого термина с точки зрения физики [3] и свойств IT-сферы. Возможно, теперь стоит расширить определение и включить в него принципы работы искусственного интеллекта и разноплановых оптоволоконных связей, которые имеют двойственную природу: нетождественность по своей природе электрическим сигналам, и с формально-юридической точки зрения не охраняются уголовным законом[2]. Также стоит рассмотреть отличительный аспект сущности системы работы с данными, хранящимися в облаке.

Конституцией каждому гарантировано право на свободный доступ к информации. Это означает, что люди обладают возможностью искать, получать, передавать, создавать и распространять информацию правомерным способом, используя различные методы. Незаконный доступ к данным является одной из форм работы с ними. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 было разъяснено, что

незаконным он является, когда у лица нет полномочий для выполнения определенных действий. Уголовная ответственность по статье 272 УК РФ возникает только при незаконном получении доступа к компьютерной информации, который приводит к ее уничтожению, блокированию, копированию или изменению. Незаконное ознакомление с компьютерной информацией не подпадает под уголовную ответственность, это не означает, что такие действия являются законными и допустимыми. Следовательно, законодателю стоит дополнить ч. 1 ст. 272 УК РФ положением о неправомерном ознакомлении, поскольку это может иметь опасные последствия для владельца этой информации. Важно всесторонне обеспечить соблюдение предписаний о защите персональных данных и не нарушать права других людей на информационную безопасность, в частности такую ее составляющую как конфиденциальность.

Согласно разъяснениям Верховного суда обязательными последствиями неправомерного деяния можно считать содержащиеся в своем структурном содержании характеристики следующие понятия. «Уничтожение» компьютерной информации подразумевает приведение ее в состояние, когда она становится полностью или частично непригодной для использования с целью исключения возможности ее восстановления, дальнейшего эксплуатации. «Блокирование» означает временное ограничение доступа к ней для пользователей без преобразования в непригодное состояние. «Модификация» информации, в свою очередь, включает любые изменение ее первоначального вида, включая, в первую очередь, такие нарушения или видоизменения таких характеристик, как целостность и достоверность, однако охват любого реверсирования данных, направленного на улучшение или обновление информации не считается разумным, что и подтверждает позиция законодателя. «Копирование» представляет собой совокупность действий по дублированию сведений, то есть транспозиция на иное электронное техническое устройство при сохранении первоначальной информации либо ее воспроизведение в физическом воплощении. Основываясь на объективных признаках преступления, требуется провести анализ других аспектов, представляющих другую часть состава.

Субъект данного преступления представляет собой вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 16 лет на момент совершения деяния.

Для понимания такого общего субъекта в рамках неправомерного доступа к компьютерной информации, то есть кто может совершать подобные преступления нужно представить их в такой градации как: те, кто не имеет официального доступа к информации в конкретном месте и время, однако осуществляющие действия по авторизации и ее извлечению; лица, совершающие неправомерный доступ по предварительному сговору или в рамках организованной группы; лица, использующие свое служебное положение. Субъективная сторона предусматривает только умышленный характер: лицо осознает осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации, понимает, что в результате могут наступить последствия и желает их наступления (прямой умысел) или они безразличны ему (косвенный умысел).

Квалифицированный состав (отягчающие обстоятельства, который, помимо признаков основного состава, другими словами, содержит специальные характеристики) подразумевается за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, лицом с использованием своего служебного положения. Диспозиция уголовно-правовой нормы, закрепленный её состав можно считать материальным, поскольку наступление последствий является обязательным. В случае, когда все необходимые действия совершены, но ни один из указанных в содержании объективных признаков исходов не претерпели реализации по независящим причинам (например, из-за функционирования автономных защитных систем или деятельности ответственных специалистов), подобное можно рассматривать как покушение.

Насущным предметом дискуссии следует обозначить вопросы о введении в диспозицию статьи 272 УК РФ такой квалифицирующей новеллы, как совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить путь к его совершению. Такая правовая конструкция уже выражена законодателем как отягчающее обстоятельство в п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако в ряде случаев законодатель вполне обоснованно посчитал, что такое обстоятельство должно быть выделено как квалифицирующий признак конкретного правонарушения (например, «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)[1].

Совершенствование законодательства, устраняющее указанные проблемы, позволит повысить эффективность борьбы с неправомерным досту-

пом к компьютерной информации, защитить конфиденциальные данные и снизить риски причинения ущерба.

Список литературы

1. Арестов, А. В. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы квалификации преступных деяний по статьям 272 и 273 УК РФ / А. В. Арестов // Социально-экономические процессы современного общества: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 25 мая 2023 года / Гл. редактор Э. В. Фомин. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. — С. 188–192. — DOI 10.31483/г-106755. — EDN IADRSI.
2. Верещагина, А.В. К вопросу о предмете неправомерного доступа к компьютерной информации / А. В. Верещагина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.— 2020. — Т. 12, № 2. — С. 103–117. — DOI 10.24866/VVSU/2073–3984/2020–2/103–117. — EDN IGROKB.
3. Ефремова М. А. Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации по действующему уголовному законодательству // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8.

УДК 34

Правовой статус членов саморегулируемой организации

Гайтукиев Абабукар Магомедович

магистрант по профилю «Юрист в сфере гражданского и предпринимательского права» Академии труда и социальных отношений

Аннотация. Особое внимание данной статье уделено изучению правового положения индивидуальных предпринимателей и профессионалов, которые являются членами саморегулирующихся организаций. Автор отмечает, что вступление в СПО оказывает

воздействие на правовой статус субъекта в области саморегулирования, однако это влияние неоднозначно. Субъекты предпринимательской и профессиональной деятельности также оказывают влияние на саму организацию в целом и способствуют принятию важных решений.

Abstract: *This article pays special attention to the study of the legal position of individual entrepreneurs and professionals who are members of self-regulatory organizations. The author notes that joining an SRO has an impact on the subject's legal status in the field of self-regulation, but this impact is ambiguous. Entrepreneurial and professional subjects also influence the organization itself as a whole and contribute to important decisions.*

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, членство в саморегулируемой организации, правовое положение, правовой статус члена саморегулируемой организации, участники саморегулируемой организации.*

Keywords: *self-regulatory organisation, membership in a self-regulatory organisation, legal position, legal status of a member of a self-regulatory organisation, participants of a self-regulatory organisation.*

В соответствии с действующим федеральным законодательством о саморегулируемых организациях [3] (далее — СРО) они основываются на членских отношениях. Ее участниками выступают субъекты предпринимательской или профессиональной деятельности. Как правило, вступление в нее преследует цель получения легального права ведения продуктивной деятельности.

Однако, сущность и структура правового статуса членов саморегулируемой организации, несмотря на его фундаментальное значение в правовой науке, характеризуется наличием различных подходов к их рассмотрению в научной среде. Более того, вопросы о структурных элементах этого статуса все еще остаются спорными. Основой правового статуса являются права и обязанности, однако мы считаем, что в него также должны быть включены другие структурные элементы, например, ответственность. Ее включение в правовой статус позволит полноценно охарактеризовать правовое положение члена СРО. Обращение внимания на это обстоятельство является первоочередной задачей при изучении правового статуса членов саморегулируемой организации.

Членство в СРО не ограничивается односторонним воздействием непосредственно на участника организации, оно также обеспечивает влия-

ние и ее члена на нее. В частности, все важные решения принимаются субъектом предпринимательской и профессиональной деятельности, что влияет на правовое положение организации в целом.

Вступление в саморегулируемую организацию (СРО) придает ее членам дополнительный правовой статус, который называется внешним влиянием в теории права [4, С. 85]. Степень обязательности этого влияния зависит от причины присоединения к СРО. Участие в СРО может быть как добровольным, так и обязательным. Для арбитражных управляющих [2], застройщиков, выполняющих инженерные изыскания, капитальный ремонт и снос объектов капитального строительства самостоятельно [1], а также для других субъектов, членство в СРО является обязательным условием для осуществления предпринимательской или профессиональной деятельности. Законодательством предусмотрено объединение этих субъектов в соответствующие организации ввиду их общественной значимости.

Вне зависимости от условий членства в СРО каждому из участников предоставляются дополнительные права и возлагаются дополнительные обязанности и ответственность.

Так, участники саморегулирующегося сектора сталкиваются с ужесточением санкций за нарушение стандартов и правил. Одной из возможных мер ответственности является исключение из членов СРО, что приводит к прекращению предпринимательской и профессиональной деятельности в данной области. Добровольное присоединение к саморегулирующимся организациям предоставляет таким лицам дополнительные преимущества, такие как льготы, поддержка от других членов и эффективная система третейского разбирательства.

Внутреннее влияние участника на СРО также рассматривается как фактор, создающий управленческую юридическую позицию.

Внутреннее влияние и внутренний правовой статус участников саморегулируемых организаций тесно связаны с объемом компетенции, связанной с участием в органах управления. В данном контексте можно выделить две категории субъектов, в зависимости от их прав. Общая компетенция, проявляющаяся через участие в общем собрании участников, присутствует у всех членов СРО. Однако участники могут также приобретать

расширенную компетенцию и получать больше полномочий. Расширенная компетенция дает возможность вступить в другие органы управления саморегулируемых организаций.

Примером является наделение членов коллегиального органа управления расширенной правоспособностью и дополнительными полномочиями, что позволяет им принимать обязательные решения для всех членов саморегулируемой организации в отношении утверждения стандартов и правил. Эти субъекты не только обладают дополнительными правами, но и несут дополнительную ответственность. Например, они несут ответственность за решение о приеме или исключении из членства в саморегулируемой организации в соответствии с уставом.

При анализе статуса членов СРО необходимо обратить внимание на многоуровневую природу их ответственности, включающую систему личного и (или) коллективного страхования, ответственность самой организации за счет средств компенсационного фонда, а также субсидиарную ответственность других ее членов [5, С. 148].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что членство в СРО оказывает воздействие на правовое положение субъекта саморегулируемой сферы, однако, данное влияние не является односторонним. Субъект предпринимательской и профессиональной деятельности также оказывает влияние на саму организацию в целом и способствует принятию важных решений. Объем компетенция, предоставляемых лицу в рамках внутреннего воздействия, предопределяется его принадлежностью к тому или иному органу управления.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ.— 2005.— № 1 (часть I). — Ст. 16; 2023.— № 32 (часть I). — Ст. 6170.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 43. — Ст. 4190; официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 25.12.2023.

3. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2007.— № 49.— Ст. 6076; 2021.— № 27 (часть I).— Ст. 5187.
4. Сунгатуллина Л. А. Участники саморегулируемых организаций: понятие, виды, особенности правового статуса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. № 1. С. 85–89.
5. Чупракова А. Э. Многоуровневый характер системы ответственности членов саморегулируемой организации в сфере предпринимательства // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 5 (45). С. 147–151.

УДК 343

Необходимая оборона — поощрительная норма права в уголовном законе

Боев Дмитрий Вячеславович

ассистент кафедры Уголовного права и процесса
Юридического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета

***Аннотация:** Концепция быстрого развития современного общества и правового государства предполагает наличие поощрительных правовых норм для управления социумом. Теория уголовного права активно создает концепцию об уголовно-правовом стимулировании. Уголовно-правовым нормам стимулирования и посвящена данная статья, где обсуждается место института необходимой обороны в структуре уголовно-правового стимулирования. Осуществление системы уголовно-правовой мотивации в жизни дает возможность осуществлять действенное влияние на поведение социума, направляя его в нужное русло, отвечающее интересам общественности и индивида. Система норм уголовно-правового поощрения обладают предупредительным потенциалом, их роль, важна как в научной деятельности так и в правоприменительной.*

***Abstract:** The concept of rapid development of modern society and the rule of law presupposes the presence of encouraging legal norms for society management. The theory of criminal law actively creates a concept about criminal-legal incentives. This article is devoted to criminal incentive norms. It discusses the place of the institute of necessary defense in the structure of criminal incentives. The implementation of the system of criminal-legal motivation in life makes it possible to exercise an effective influence on the behavior of society, directing it in the*

right direction that meets the interests of the public and the individual. The system of norms of criminal incentives has a preventive potential, their role is important both in scientific activity and in law enforcement.

Ключевые слова: *необходимая оборона, уголовный закон, поведение, посягательство, посткриминальное поведение, поощрительные нормы.*

Keywords: *necessary defense, criminal law, behavior, encroachment, post-criminal behavior, incentive norms.*

Практическое применение такой системы поощрения позволяет создать более предсказуемую и справедливую среду, где каждый член общества будет осознавать последствия своих действий. Это может проявляться в самоупотреблении различных стимулов, как чувствительных, так и нежелательных, для поощрения обнаружения возникновения и предотвращения правонарушений. Однако при разработке и внедрении системы необходимо учитывать различные факторы, включая справедливость, этические принципы, права и свободу граждан. Важно сбалансировать систему поощрения таким образом, чтобы они не только давали направление в соответствии с представленными и личными интересами, но и соблюдали справедливость и правосудие.

Поощряющие статьи общей части Уголовного кодекса можно условно разделить на 2 группы.

Первая группа, это нормы права, мотивирующие хорошее, общественно активное, изначально законное поведение индивида это нахождение лица в состоянии необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ). К первой группе можно отнести и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ), исполнение приказа и распоряжения (ст. 42 УК РФ);

Ко второй группе поощрительных норм можно отнести нормы, мотивирующие общественно полезное, законное и разрешительное посткриминальное поведение человека это деятельное раскаяние в содеянном ст. 75 УК РФ, также можно отнести примирение с потерпевшим ст. 76 УК РФ, условное осуждение ст. 73 УК РФ и т.д.

Число уголовно правовых норм поощряющих посткриминальное значительно больше, чем норм изначально регулирующих правовое поведение лиц. Особое положение института необходимой обороны в системе мотивирующих правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации объясняется следующим:

Неоднозначность тезисов института необходимой обороны в системе поощрительных мер уголовного права Российской Федерации. Если уголовные нормы права, мотивирующие общественно полезное и разрешаемое посткриминальное поведение человека большинством правоведов считаются поощрительными, то нормы, закрепляющие право на необходимую оборону и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, оцениваются неоднозначно. Такие авторы как Галкин В.М., Елеонский В.А, считают стимулирующими нормами необходимую оборону и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния [2;3], Загородников Н.И. и Стручков Н.А. категорически настаивают на том, что необходимая оборона не может является одной из мотивирующих норм права, так как она не добавляет никаких новых благ к уже имеющимся у граждан [1], некоторые авторы, такие как Аликперов Х.Д. определяют ее как отдельную категорию норм права, которые допускают компромисс с преступностью [7].

Сундуров Ф.Р. утверждает, что деяния, осуществляемые в состоянии необходимой обороны являются актами общественно полезного поведения, так как, лица действующие в рамках института необходимой обороны, следуют нравственно-оправданными мотивами и, вынуждено оказавшись в опасных ситуациях, поступают осмысленно для достижения общественно полезных целей[8].

Автор поддерживает мнение ученых правоведов, полагающих что норма права о необходимой обороне является поощрительной.

С. В. Балмочных поддерживает мнение В. А. Елеонского, который указывает, что «исключение уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании преступника, тоже является поощрением, ибо таким путем государство одобряет проявление социальной и правовой активности граждан в борьбе с преступностью» [1]. Так, В. А. Елеонский отмечает, что

«поощрительные нормы уголовного права отличаются от других норм данной отрасли тем, что одобряют, стимулируют социально полезное поведение путем устранения или смягчения реального или потенциального уголовно-правового обременения» [3].

Отличие положений института необходимой обороны от других стимулирующих норм уголовного права, заключается в том, что они имеют определенную специфику, ведь нормы необходимой обороны призваны стимулировать не посткриминальное поведение лица, а правомерное поведение человека находящего в состоянии необходимой обороны. Положения института необходимой обороны содержат стимулирующую меру, которая заключается не в смягчении уголовной ответственности, а исключении ее за вред нанесенный лицом находящимся в состоянии необходимой обороны. При необходимой обороне лицо защищается от преступного общественно опасного посягательства.

Таким образом, на основании проведенного исследования научных трудов ученых правоведов можно сделать вывод, что институт необходимой обороны, следует считать разновидностью поощрительной нормы уголовного права. Положения норм института необходимой обороны стимулируют поведение человека, которая состоит в исключении уголовного преследования для человека, находящегося в состоянии необходимой обороны.

Список литературы

1. Балмочных С. В. Необходимая оборона в системе уголовно-правового поощрения // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 200–201
2. Голик Ю. В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): Дис. д.ю.н. в виде научного доклада. — М., 1994.
3. Елеонский В. А. Поощрительные нормы в уголовном праве. — Хабаровск, 1984. — С. 26. 2 См.:
4. Курилов С. И. Классификация поощрительных норм общей части уголовного кодекса российской федерации, направленных на предупреждение преступлений //Юридические науки. 2020. № 1 С. 67–71

5. Курилов С. В. Роль поощрительных норм Общей части уголовного кодекса Российской Федерации в уголовно-правовом предупреждении преступлений //Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47).С.157–161.
6. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. — СПб., 2003. — С. 3
7. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Челябинск. 2023
8. Сундуров Ф. Р. Глава 2. Меры уголовно-правового характера. Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов. Том. 2. Книга 2/ под общей ред. А. Н. Савенкова. Научный редактор А. И. Чучаев. Москва: Проспект, 2024, 576 с.

УДК 347.78

Civil liability for copyright infringement using artificial intelligence technologies

Кутузова Екатерина Николаевна

студент магистратуры Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых

Научный руководитель **Новикова Людмила Васильевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков
профессионального общения Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

***Abstract:** In connection with the development of artificial intelligence technologies, legal scholars and legal practitioners are faced with the question of copyright protection, since the very existence of artificial intelligence makes copyright subjects vulnerable. In this article, the author examines the reality of civil liability for copyright infringement using artificial intelligence and also proposes measures to improve copyright legislation, taking into account the capabilities of artificial intelligence to prevent possible violations.*

***Аннотация:** В связи с развитием технологий искусственного интеллекта перед правоведами и юристами-практиками встает вопрос о защите авторских прав, поскольку само существование ИИ делает уязвимыми субъектов авторских прав. В данной статье автор изучает вопрос о реальности гражданско-правовой ответственности за нарушение авторских прав с использованием ИИ, а также предлагает меры по усовершенствованию законодательства в области авторского права с учетом возможностей искусственного интеллекта для предотвращения возможных нарушений.*

***Keywords:** artificial intelligence, neural network, copyright, exclusive rights.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, ИИ, нейросеть, авторское право, исключительные права.*

The rapid development of science and technology in the 21st century not only has positive aspects, but also opens up opportunities for unscrupulous people who are finding new ways to commit crimes. Recently, in the wake of the popularity of artificial intelligence (AI), methods have emerged for its use both for the benefit of humanity, facilitating many processes in various areas, but also as a new means of committing crimes. In this regard, the relevance of this topic cannot be underestimated. Legal scholars have just begun to turn their professional attention to artificial intelligence technologies in the legal context. And despite their attempts to determine its role in legal relations, there is still a lack of understanding of AI as a phenomenon in law and its role in the system of legal relations. And the lack of full consolidation of its status in the law makes it possible for unscrupulous participants in legal relations using this implement to take advantage of the vulnerability of other legal subjects.

Of course, legal gaps are inevitable. Law and law only follow the development of social relations and innovations in the field of science and technology. It is in the interests of the whole society that legal scholars and legislators eliminate emerging legal gaps and conflicts as soon as possible.

So, as is known from the theory of law, all offenses are divided into: crimes — guilty socially dangerous acts prohibited by criminal law, and misdemeanors, which in turn are classified into civil, administrative, and disciplinary. In this study, we will turn to civil law relations and offenses in the relevant branch of law, since copyright is a subfield of civil law.

The legislator has established provisions related to the protection of copyright in Part IV of the Civil Code of the Russian Federation in Section VII of this Code [1], which discloses the rights of the author to the results of his intellectual activity and means of individualization. Copyright protection by law presupposes, according to paragraph 2 of Art. 1255 of the Civil Code of the Russian Federation: the exclusive right to a work, the right of authorship, the author's right to a name, the right to the inviolability of a work and the right to publish a work.

To determine how AI can disrupt the author's right to his work is worth describing the principle of operation of the neural network. Today there are several types of neural networks. The type of greatest interest for this study is generative and generative adversarial neural networks, which can create images, music, texts, etc. At first glance, it seems that the generated objects are unique, and this is only partly true. However, if you delve deeper into the process of creating these objects, then everything becomes ambiguous.

At the moment, the main difference between AI and human intelligence is lack of independence. Without a human-defined task, AI will not function productively enough. Having received a request in the form of a task, the AI begins to generate an answer based on existing data. These initial data become works created by other people, who may, among other things, be protected by law. At the moment, there are a number of neural networks that can fulfill a request to generate an image (Midjourney), text (ChatGPT) or a musical audio track, where the basis is the voice of a real person with his unique timbre, diction, natural vocal abilities (SoftVC VITS Singing Voice Conversion). The author gives examples of the most popular neural networks, but at the moment there are more and more of them, and not all of them learn from initial data from open sources. In some cases, permission from copyright holders may be required, which is usually not available. This issue is especially acute when creating content using AI for commercial purposes, because in this case the original author, who found similarities with his works, can claim compensation.

In this regard, humanity immediately faces several questions: the first is ethical, especially if neural networks use images (video) or voices (audio) of real people, and especially those individuals who are no longer alive. And the second, who follows from the first, is legal. As the Latin proverb says: *Jus est ars boni et aequi* (Law is the art of goodness and justice). In this connection, I would like to ask

the question: is it fair to the authors of the work that AI users create new, but not inherently unique works with the help of their results of intellectual activity and consider they the authors of the result obtained? Is it even possible to apply the provisions of Section 4 of the Civil Code of the Russian Federation to the results obtained?

So far the legislator has not answered the last question as clearly as we would like. However, slowly but surely, legal scholars are inclined to believe that the user of a neural network does not have copyright on the results generated using AI.

If we turn to the letter of the law, we see a completely unambiguous answer to the question of who can be the author in the broad sense of the word in paragraph 1 of Art. 1228 of the Civil Code of the Russian Federation: the author of the result of intellectual activity is the citizen whose creative work created such a result. There is no talk of using AI technologies. However, it is worth considering that when this article was created, such a phenomenon as a neural network did not exist, that is, in theory, the interpretation can be expanded over time to the point that the category of creative work will include the use of AI as a tool.

However, if you look at the problem from a different angle, you can rightly ask the question: on what basis can an AI user not be the author of the result of his undoubtedly creative activity, provided that his personal contribution to the work was significant and the technology was used only at some stages of the creative activities? Perhaps, for law enforcers and legislators, the decisive role will be played by the percentage of contribution to the result of intellectual activity of AI technologies and the actual human intellectual activity, talent and skill.

Observing the development of AI, we see that biometric personal data, which is protected by the Federal Law «On Personal Data» [2] is under threat. Biometric personal data includes, according to paragraph 1 of Art. 11 of this Federal Law, information that characterizes the physiological and biological characteristics of a person, on the basis of which his identity can be established. There is reason to believe that voice is one of them. At the moment, there are AI technologies that can synthesize spoken speech of any content, where the voice of a real person is taken as a basis. However, at the moment there is no protection mechanism, for example, for professional announcers and dubbing actors, who, as practice has shown, become victims of neural networks that use voices without the consent of their owners. The Union of Russian Announcers spoke about this problem for the first time.

This is how the relevant disputes first appeared in court. For example, in the proceedings of the Savyolovsky District Court of Moscow, a statement of claim dated August 30, 2023, by dubbing actress A. S. Andronova was registered to Joint-Stock Company Tinkoff Bank on the protection of honor, dignity and business reputation. The parties entered into an agreement, the subject of which is the voicing of the customer's texts for training the neural network and, according to the plaintiff, the result of the work was to be used exclusively for the company's internal tasks. However, her voice turned out to be available for synthesis to everyone and is sold on third-party sites without her consent. The plaintiff demands that her synthesized voice be removed from all third-party sites, that her voice be stopped from being used in speech synthesis technologies available to third parties, and that she be compensated. The defendant's position is that the arguments set out in the claim are not true. The agreement expressly provides for consent to the use and processing of recordings by third parties. Therefore, the bank has the right to use the actress's voice recordings in any way.

Since the court has not considered the case at the moment (11/18/2023), we can only guess what its position will be. But lawyers from the field of intellectual property law, discussing similar cases, believe that at the moment the right to vote cannot be protected by the rules of intellectual property rights because the list of IPR objects is exhaustive (clause 1 of Article 1225 of the Civil Code of the Russian Federation), and the human voice is not a type of personal non-property rights not related to property rights. At least judicial practice is limited to the list contained in paragraph 1 of Art. 150 Civil Code of the Russian Federation. For this reason, rules on the protection of personal non-property rights not related to property rights cannot be applied. The list of objects of protection in Art. 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation is limited only to the image of a citizen [3].

Summarizing the above, we see that Russian legislation is not yet ready for the development of AI. Since there is still no mention of AI in regulatory legal acts, which has led to the fact that at the moment not only copyrights to the results of intellectual activity, but also biometric personal data of people are under threat. Without a new law "On the Use of Neural Networks" or amendments to civil legislation, it is impossible to create an orderly judicial practice, which will time after time lead to persistent violation of copyright on the results of intellectual activity and means of individualization.

The author of the study came to the conclusion that with the inevitable soon rule-making activity caused by the rapid development of AI and its implementation, including in commercial processes and business, the legislator should not artificially slow down the development of this technology with categorical restrictions for AI users, but create legal framework for its legal use for both ordinary and commercial purposes.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on June 11, 2021) // Collection of legislation of the Russian Federation.— 2006. — No. 52 (1 part) — Art. 5496.
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // “Rossiyskaya Gazeta” of July 29, 2006 (No. 165)
3. Mansurov, G. Z. Neural network and the right to vote / G. Z. Mansurov. — Text: electronic // Ural State Economic University: [website]. — URL: <https://civilrecht.usue.ru/sobytiya/1131-nejroset-i-pravo-na-golos/> (access date: 11/19/2023).

УДК 34

Правовое регулирование в сфере борьбы с коррупцией

Бармин Андрей Денисович

студент Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с различными проявлениями преступлений коррупционной направленности. Автор раскрывает сущность данного вопроса, анализирует его нормативно-правовое регулирование, а также выявляет актуальные проблемы и предлагает пути их решения.*

***Abstract:** The article is devoted to the consideration of problems related to various manifestations of corruption offenses. The author reveals the essence of this issue, analyzes its regulatory environment, as well as identifies current problems and suggests ways to solve them.*

Ключевые слова: противодействие коррупции, экономическая безопасность, передача взятки, легализация дохода.

Keywords: anti-corruption, economic security, bribe transfer, legalization of income.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции», коррупция — это «злоупотребление служебным положением, либо дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или какое-либо другое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение всех вышеперечисленных действий от имени или в интересах юридического лица». Поскольку коррупция затрагивает все сферы общественной жизни, опасность этого явления нельзя недооценивать. Именно поэтому государство уделяет особое внимание борьбе с коррупцией и активно совершенствует законодательную базу, регулирующую данный вопрос. Подтверждением тому может служить создание в 2008 году Президентского совета по противодействию коррупции. Этот орган занимается, в том числе, разработкой Национального плана противодействия коррупции. Данный документ выпускался 7 раз — в 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2021 г. Такая частота обновления Плана свидетельствует о том, что органы государственной власти осознают масштаб проблемы и стремятся идти в ногу со временем, постоянно актуализируя цели и пути их достижения. Действующим на данный момент является Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы. Однако, на наш взгляд, не смотря на обширное правовое регулирование вопроса, законодатель оставляет достаточно возможностей для легализации доходов от коррупции. Разберем некоторые из них.

В статье 11 утратившего силу ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» государственным служащим запрещается «заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогиче-

ской, научной и иной творческой деятельности». В пришедшем ему на смену ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» данные виды деятельности также не запрещены. Если доходы от педагогической и научной деятельности оставляют мало пространства для коррупционной деятельности, то доходы от творческой деятельности вызывают особый интерес. Поскольку цены на произведения искусства устанавливаются их автором или, в ряде случаев, покупателем (например, на аукционе), то установить их объективную цену и ценность не представляется возможным. Таким образом, перед недобросовестными государственными служащими открывается возможность легализовать свои доходы от коррупционных преступлений в любом объеме при помощи продажи картин, фотографий, музыкальных произведений собственного авторства. В данном случае видится целесообразным запретить государственным служащим на время замещения ими должностей гражданской службы и в десятилетний срок после освобождения от замещаемой должности гражданской службы получать доход от творческой деятельности, превышающий более чем на 5% расходы на создание продукта творческой деятельности. Естественно, такое ограничение может не касаться лиц, получавших доход от творческой деятельности до начала замещения ими должности гражданской службы. Для таких лиц разумным было бы ограничение их доходов от обозначенного вида деятельности уровнем среднего дохода за 3 года, предшествовавших началу замещения должности гражданской службы.

Помимо этого, особого внимания заслуживает ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». В соответствии со статьей 6 указанного ФЗ государственные служащие имеют право получать доход от сдачи в аренду жилых помещений. В четвертой статье уточняется, что доход от данного вида деятельности не может превышать 2,4 миллиона рублей. В месяц это составляет двести тысяч рублей, что в разы превышает среднюю заработную плату госслужащего в РФ [3]. Все это оставляет возможность для намеренного завышения арендной платы с целью легализации доходов от коррупционных преступлений. В этой связи представляется логичным либо полностью запретить для государственных служащих сдавать в арен-

ду жилые помещения, либо установить верхнюю границу для доходов от данного вида деятельности на уровне 50% ежемесячной заработной платы конкретного госслужащего. На наш взгляд, вторая из предложенных мер не устранил возможность для легализации доходов от противоправной деятельности, но значительно понизит привлекательность использования указанного права в противозаконных целях, потому как при прежней степени риска значительно снижается объем средств, которые можно легализовать. Помимо этого, целесообразно подвергать договоры аренды, в которых арендодателем выступает государственный служащий, проверке на соответствие цены договора актуальному состоянию рынка недвижимости в конкретном регионе.

Таким образом, в отечественном законодательстве остаются пробелы позволяющие коррупционерам на законных основаниях получать доход от противоправной деятельности. Приведенные выше меры позволят уменьшить количество способов для этого.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 2 августа 2004 г. № 31 ст. 3215.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // «Парламентская газета» от 31 декабря 2008 г. № 90.
3. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab3-zpl_2022.xlsx.
4. Истраков А. А. Проблемы эффективности противодействия коррупции / А. А. Истраков // Academy.— 2021.— № 1 (64). — С. 106–110.
5. Коровушкин С. А. Проблемные вопросы противодействия коррупции / С. А. Коровушкин // Закон и право.— 2019.— № 3. — С. 93–95.
6. Павлова Г.Г., Твердохлеб К. А. Современные методы противодействия коррупции на государственном и муниципальном уровне / Г. Г. Павлова, К. А. Твердохлеб // Вестник Уральского института экономики, управления и права.— 2021.— № 3 (56). — С. 50–56.

УДК 34

Сравнительная характеристика системы налогообложения юридических лиц в России и за рубежом

Лобачев Денис Сергеевич

магистрант Волгоградского государственного университета

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются особенности системы налогообложения в США, Франции, Великобритании, Германии в сравнении с Россией, рассмотрены различные формы юридических лиц и их специфика, а также особенности законодательного регулирования налогообложения. Автором были изучены основные факторы, которые влияют на уплату налогов в различных странах.*

***Abstract:** In this article the peculiarities of the taxation system in the USA, France, Great Britain, Germany in comparison with Russia are considered, different forms of legal entities and their specifics as well as peculiarities of legislative regulation of taxation are considered. The author studied the main factors that affect the payment of taxes in different countries.*

***Ключевые слова:** юридическое лицо, организация, налог, налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, резидент, налоговые агенты, налоговые органы, таможенные органы.*

***Keywords:** legal entity, organization, tax, profit tax, value added tax, resident, tax agents, tax authorities, customs authorities.*

Основным документом, который устанавливает обязанность граждан платить налоги в России является Конституция Российской Федерации. Конституционный характер системы налогообложения закреплены статьей 57 Конституции, которая гласит: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» [3]. Выбирая такую формулировку законодатель намеренно не конкретизирует местоимение «каждый» с целью охватить всех субъектов налогообложения-гражданина, то есть физическое лицо и организации, то есть юридическое лицо.

Статья 11 Главы 1 Налогового Кодекса Российской Федерации дает более полное определение организации, которое мы берем за основу нашего исследования: «организации — юридические лица, образованные

в соответствии с законодательством Российской Федерации, международные компании (далее — российские организации), а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации (далее — иностранные организации)» [4]. Отметим, что понятия «юридическое лицо в налоговом кодексе не представлено, его основную правовую характеристику устанавливает ст. 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В основу определения юридического лица в данном нормативно-правовом документе заложено свойство организации как субъекта не только налогообложения, но и гражданского процесса, то есть определяет права и свободы юридического лица в гражданском процессе наравне с физическим лицом: «...может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [2].

Таким образом, налогоплательщик — это любое физическое и юридическое лицо, чья деятельность и имущество облагается налогом.

Помимо этого, участниками процесса налогообложения, за исключением налогоплательщика и государства в лице законодательства, являются: налоговые агенты, налоговые органы и таможенные органы.

Налоговые агенты — это лица, выступающие посредниками между субъектами налогообложения и налоговыми органами, которые обязаны удерживать налоги с доходов и перечислять их в бюджет государства.

Налоговые органы — это специальные организации, в юрисдикцию которых входит контроль за правильностью и законностью уплаты налогов, распределению налоговых обязательств среди налогоплательщиков.

Таможенные органы — это организации, которые ответственны за сбор таможенных платежей при ввозе и вывозе товаров, а также за контроль в соблюдении прав и законов.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что система налогообложения является сложной, многокомпонентной и законодательно регулируемой Конституцией РФ, Налоговым Кодексом, Гражданским Кодексом, Уго-

ловным Кодексом и Таможенным Кодексом Евразийского Экономического союза.

В основу механизма налогообложения юридических лиц во всех странах заложены три основные концепции, одна из которых не получила широкого распространения. Рассмотрим более подробно каждую из концепций:

1. Территориальная «привязка» налогоплательщика, то есть организация обязана платить налоги государству, если доход, получаемый ей, является результатом деятельности на территории страны. Однако в некоторых странах допускается облачение налогом деятельность, которая осуществляется на территории другой страны (Гонконг, Сингапур).
2. Концепция, которая учитывает резидентство, что определяет объем обязательств перед тем или иным государством. Традиционно налогоплательщики в лице организаций делаются на резидентов. В этой связи необходимо рассмотреть несколько критериев для определения статуса резидентства-инкорпорационный и критерий фактического управления организацией.

Инкорпорационный критерий основывается на включении организации в реестр юридическим лиц того или иного государства-это основной признак инкорпоративности, который облегчает работу международных организаций, сталкивающихся с различными налоговыми системами в разных странах. Этот критерий характерен не для всех стран, в частности, для России, Швеции, Финляндии и Соединенных Штатов Америки.

Критерий фактического управления объединяет в себе три подхода, в зависимости от законодательства страны. К таковым подходам относятся: «место центрального управления», то есть дислокация основного, фактического контроля и управления в организации(Канада, Великобритания) и «место эффективного управления» — текущее управление и контроль, что для налогового резидентства является значимым показателем в таких странах, как Германия и Нидерланды.

Для всех стран основополагающим принципом системы налогообложения являются законность, то есть законное установление размеров, ставок, льгот, взносов и выплат устанавливаются только законом страны в лице Конституций, Кодексов и других нормативно-правовых актов.

Общим для всех стран являются то, что юридическое лицо является налогоплательщиком и представляет организацию. Однако для каждой страны характерна специфика концепции юридического лица. Рассмотрим на примере Соединённых Штатов Америки. В США статус юридического лица имеют следующие типы организаций:

Американская корпорация — это юридическое лицо, которое создано в соответствии с законодательством США. Данное юридическое лицо обладает особыми правами и обязанностями, в числе которых — владение собственностью, участие в коммерческих сделках, уплата налогов и осуществление финансовых операций. В соответствии с законодательством, корпорации могут иметь различные формы собственности и управления. Корпорации имеют сложную структуру организации и управления, включая наличие таких структур внутри компании, как совет директоров, акционеры, исполнительных директивов и др. Все это обеспечивает законность деятельности и статус корпорации.

Американское товарищество — это такое юридическое лицо, которое также создается для осуществления коммерческой деятельности в рамках установленных законом правил и норм США с более гибким и простым устройством. Товарищество предполагает объединение усилий нескольких участников для достижения общей цели.

Спецификой юридического лица-налогоплательщика в США является то, что любое имущество, которым обладает налогоплательщик, в любой штат или округ, правительство (в лице правительственного агентства), филиал любой иностранной компании.

Для всех организаций, то есть юридических лиц-налогоплательщиков установлен корпорационный налог, все зависимости от объема бизнеса, формы отчетности, который является аналогом налога на прибыль в России. Отличительным, дополнительным налогом является налог на сверхприбыль, которые уплачивают компании корпорации, такие как JPMorgan Chase, General Electric, ExxonMobil и другие, попадающие под категорию компаний гигантов.

Среди особенностей самой системы налогообложения мы можем выделить, пожалуй, наиболее важный — каждый штат самостоятельно может устанавливать налоги, что, по-нашему мнению, должно основываться на

принципе демократии, так как в ином случае это приведут к монополии налоговых органов штата. Также важно отметить, что в отличии от системы налогообложения России, в США не предполагается налога на добавленную стоимость (НДС), однако налог с продаж все же существует — Ставка Sales tax. Если в России НДС составляет 20%, то в США, а именно в Штатах, которые предполагают налог с продаж, процентная ставка варьируется от 0% до 11,50%, при этом существует список товаров и услуг, которые не облагаются налогом. Интересным и отличительным является тот факт, что помимо работодателя, который отчисляет в социальный фонд 16–30% в зависимости от штата, работник также вносит за себя налоги: Social Security tax — 4,2%, Medicare tax — 1,46% от оклада, что включает в себя медстрахование и национальная пенсионная программа. Отметим также, что федеральные налоги в США имеют прогрессивную динамику, это значит, что чем больше объект налогообложения, тем больше процентная ставка налога.

В Великобритании юридические лица облагаются корпоративным налогом, при этом, как и в России (налог на прибыль), важна резиденция юридического лица и или место пребывания фактического центрального управления. Как отмечает исследователь Ю. А. Бедаш, если компания-нерезидент, а ее основное представительство находится на территории Великобритании, то компания все равно облагается корпоративным налогом, установленным законодательством Великобритании [1].. При этом, в Великобритании ставка налога на федеральном уровне зависит от суммы прибыли — если прибыль менее £50,000, то ставка 19%, если больше — 25%. А в США федеральная ставка составляет 21%.

Рассмотрим также особенности налогообложения юридических лиц в Германии. Стоит отметить, что к юридическим лицам относятся в данной стране, как и в США, корпорации, но помимо этого также кооперативы, разного рода фонды и ассоциации. Аналогично с Великобританией, юридические лица в Германии уплачивают государству корпоративный налог в том числе и нерезиденты, если же центральное управление осуществляется на территории ФРГ. Koerperschaftsteuer составляет 15%, помимо общей ставки, рассчитывается также единый для всех налог за солидарность, который составляет 5,5% суммы от корпоративного налога. Поэтому окончательная, единая ставка налога на прибыль юридического

лица определяется индивидуально для каждой организации в зависимости от прибыли. Отметим, что формы юридического лица в Германии схожи с российскими, к примеру, аналогом «ООО» является GmdH, аналогом акционерного общества в ФРГ является Aktiengesellschaft или AG. В отличие от ранее рассмотренных особенностей налогообложения юридических лица США, Великобритании и России, в Германии предполагается помимо корпоративного налога, налог на сделки и потребление Grunderwerbsteuer, который составляет 3,5–6,5% от стоимости недвижимого имущества. В России подобный налог называется налог на недвижимость организаций и составляет 2% и является региональным (глава 30 НК РФ), то есть может быть установлен не во всех регионах, в отличие от Германии, в которой данный налог установлен на региональном уровне.

Изучая особенности системы налогообложения юридических лиц по Франции мы установили, что юридическими лицами являются: некоммерческие общества, ООО с единственным участником, а также разного рода товарищества.

Подобно Германии, правительство Франции также устанавливает зависимость количества прибыли от ставки налога на прибыль, только если в Германии не используется в законодательстве термин «микро-предприятие», а устанавливается прибыль, то во Франции данный статус законодательно закреплён и предполагает упрощённую форму отчетности, а ставка налога — 15% (предприятия с годовой прибылью не более 38 120 евро), организации, прибыль которых превышает данную сумму, платят налог в размере 33,3% от прибыли. Также, в отличие от ранее рассмотренных, корпоративный налог для юридических лиц выплачивают только организации, которые получают доход от деятельности на территории Франции, то есть в основе не принцип резидентства, а принцип территориальности. Также следует указать, что налог на добавленную стоимость во Франции обязательный для всех организаций, кроме микро-предприятий, которые созданы не позднее 2 последних лет. Ставка НДС во Франции составляет, как и во многих государствах, 20%, исключением является подарочная стоимость на продукты питания и книжные товары — 5,5%.

Таким образом, нам удалось проанализировать некоторые особенности системы налогообложения в разных странах и сравнить их друг с другом.

Единым остается то, что налог — это обязательное условие существования любого предприятия в любой стране, а особенности определяются государством и регионами в лице нормативно-правовых документов страны.

Список литературы

1. Бедаш Ю. А. Юридические лица как субъект налогообложения: отечественный и зарубежный подход // Экономика и социум. 2022. № 1–2 (92). С. 546–552.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс»
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 года N 146-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс»
5. Хантаева Н. Л. Теоретические основы налогообложения. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2019.-175 с.
6. Кузнецов, Ю. В. Теория организации / Ю. В. Кузнецов, Е. В. Мелякова. М.: Издательство Юрайт, 2021.— 189 с.

УДК 336.221

Отдельные аспекты исчисления сроков в налоговой отрасли права

Харитонов Александр Геннадьевич

магистрант Юридического факультета Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: В данной статье рассмотрены отдельные аспекты исчисления сроков в налоговой отрасли права и современные системы налогообложения.

Abstract: This article considers some aspects of the calculation of terms in the tax branch of law and modern systems of taxation.

Ключевые слова: налогообложения, право, налоговые правоотношения.

Keywords: taxation, law, tax relations.

Развитие современной системы налогообложения во многом зависит от качества правовых норм, на основании которых выполняется регулирование ее работы. Присутствующие несовершенства замедляют процесс, создают основу для манипулирования правилами и ущемления интересов налогоплательщиков или государства. В статье рассмотрены отдельные аспекты исчисления сроков в налоговой отрасли, вытекающие из положений действующего законодательства. Их анализ позволяет оценить сложившуюся ситуацию в целом, понять, что нужно предпринять, чтобы упростить взаимодействие всех субъектов налоговых правоотношений, усовершенствовать работу на всех этапах налогового администрирования.

Ситуация, сложившаяся в сфере налогообложения

Налоговые органы являются публичным субъектом налогообложения, что наделяет их определенным перечнем властных полномочий по отношению к другим участникам налоговых правоотношений. Присутствует большое количество принудительных элементов, использование которых требует соблюдения четко установленного порядка и применения конкретных процессуальных сроков. При этом двойное толкование и неправильное применение существующих норм не допускается, поскольку это оказывает влияние на законность решения, которое влечет за собой возникновение правовых последствий для субъекта налоговых правоотношений.

Если проанализировать действующее законодательство, удастся установить, что существует большое количество сроков, оказывающих влияние на особенности выполнения процессуальных действий. Однако текущие нормативно-правовые акты в сфере налогообложения можно назвать несовершенными, поскольку их применение влечет за собой возникновение некой двойственности, спорных ситуаций, противоречий на уровне правоприменения.

Все вышесказанное позволяет говорить о необходимости внесения точности в существующие правовые предписания, общедоступности понимания нормативных установок, логичности и согласованности в применяемых регламентах, где каждая норма четко вписана в существующую систему регулирования [4].

Правила исчисления сроков в налоговой отрасли права

Правила, регламентирующие нюансы исчисления сроков в сфере налогообложения, несколько отличаются от норм, в соответствии с которыми аналогичная процедура выполняется в других отраслях. Крайне важно, чтобы существующие правила определения сроков были понятными, непротиворечивыми, разумными, эффективными [2].

Важно отметить двойственность природы понятия «срок». Он может рассматриваться в качестве конкретного момента или промежутка времени. Необходимо учитывать, что они существуют не изолированно. Моменты порождают промежутки, а промежуткам предшествуют конкретные моменты.

Если говорить о сроках, фигурирующих в Налоговом Кодексе РФ (НК РФ), то они максимально конкретизированы. В п. 1. ст. 6.1 НК РФ сказано, что сроки определяются календарной датой, указанием на конкретное событие или действие [1]. Период времени, исчисляемый днями, месяцами или кварталами, также может применяться.

На практике срок может исчисляться не с первого дня месяца, а с какого-либо другого момента, что может вызвать определенные вопросы. Такие сроки называют некалендарными и часто противопоставляют стандартным календарным. Также следует принимать во внимание тот факт, что течение срока начинается с момента, который следует за календарной датой или определенным событием, выступающим основанием для начала отсчета срока. Сам момент возникновения юридического факта, с которым связывают начало течения периода, в общий срок не включается.

Однако вышеуказанное правило действует не всегда. Присутствует ряд исключений, которые необходимо принимать во внимание. Например, операции по банковским счетам плательщика-организации и выполнение

электронных переводов приостанавливают с того момента, как банк получит соответствующее решение налогового органа (п. 7 ст. 76 НК РФ).

Еще одно исключение вытекает из положений п. 8 ст. 89 НК РФ, в которой говорится, что срок проведения выездной налоговой проверки исчисляется с момента, когда было принято решение об ее осуществлении. Период завершается только после того, как подготовлена справка о проведении проверки.

В рассматриваемый перечень исключений также попадает исчисление сроков по ст. 100 НК РФ. В п. 5 рассматриваемого нормативно-правового акта сказано, что акт налоговой проверки необходимо вручить лицу в течение 5 дней с момента подготовки соответствующего документа. Он должен быть предоставлен самому лицу, в отношении которого организуют контролирующее мероприятие, или его представителю. Документ предоставляют под расписку или передают любым другим предусмотренным законом способом.

Аналогичное правило действует в отношении проверок консолидированных групп налогоплательщиков. Акт проведения контролирующего мероприятия вручается ответственному участнику консолидированной группы. Рассматриваемое действие обязаны осуществить в течение 10 дней с даты подготовки соответствующего документа.

Вышеуказанный перечень исключений приводит к формированию коллизии, поскольку рассматриваемые нормативы противоречат общим правилам, применяемым во всех остальных случаях. В результате растет риск возникновения нарушений, поскольку подобная ситуация путает, вызывает появление дополнительных вопросов.

Возвращаясь к ст. 6.1 НК РФ, необходимо отметить, что в ней не установлено никаких исключений и нет упоминания об их присутствии. В результате в налоговом праве формируется неопределенность. Так, в упомянутых ранее статьях-исключениях 76 и 89 НК РФ исчисление сроков осуществляется так, как следует из буквального прочтения текста рассматриваемых нормативов. В ст. 100–101 НК РФ применяются стандартные правила несмотря на то, что из текста следует иное.

При подробном анализе налогового законодательства можно выявить большое количество противоречий. Возникающие коллизии препятству-

ют нормальной работе налоговых инстанций, путают налогоплательщиков, поскольку они не понимают всех особенностей применения той или иной нормы. В результате происходит разрушение законности [5].

Устранение правовой противоречивости

В случае выявления присутствия противоречий еще со времен Древнего Рима существуют правила, позволяющие разрешить сформировавшуюся ситуацию. В частности, если возникли противоречия между актами, обладающими разной юридической силой, во внимание принимают положения того норматива, чья юридическая сила больше. Когда акты имеют одинаковую юридическую силу, но были приняты в разное время, учитывают более новый норматив. Если противоречия наблюдаются между общим и специальным актом, учитывают положения специального [3].

В налоговой системе РФ применяют третий способ разрешения возникших противоречий. Однако это не всегда решает проблему с путаницей, поскольку не все знакомы с правилами разрешения ситуаций, в рамках которых выявлены расхождения законодательства. Все это оказывает дестабилизирующее воздействие, усложняет выполнение тех или иных процедур. Только регулярный мониторинг существующих нормативно-правовых актов и выполнение комплексного анализа перед утверждением новых норм позволят избежать противоречий и добиться нормативного единства, что значительно упростит функционирование налоговой системы РФ.

Заключение

Таким образом, исчисление сроков в налоговом администрировании в РФ значительно затруднено, поскольку существует большое количество специальных норм, требующих учета. Рассматриваемая ситуация путает, приводит к возникновению сложностей в процессе расчетов. Для устранения выявленного недостатка необходимо проводить комплексную работу по внесению корректив в действующие нормативно-правовые акты, а также уделять особое внимание анализу новых норм перед тем, как осуще-

ствлять их принятие. Подобный подход позволит минимизировать риск возникновения противоречий и устранить существующие расхождения между действующими нормативно-правовыми актами.

Список литературы

1. Архипов А. А. Сроки в налоговом праве: монография. — М.: Статут, 2021
2. Гриценко В. В. Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного Российского государства: дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2016.
3. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения: монография. — М.: Статут, 2017.
4. Кулапов В.Л., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
5. Тютин Д. В. Налоговое право: курс лекций // СПС Консультант Плюс. 2018.

Журнал «Научный аспект №2 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>